

ЕВА КОФЕЙ

ПОПАДАНКАМ
не изменяют,
дорогой ДРАКОН
ЗАМУЖ ЗА ИСТИННОГО

Ева Кофей

Попаданкам не изменяют, дорогой дракон

<https://litres.ru/74214059>

Аннотация

Попала в тело жены дракона и оказалась его истинной парой. Раньше он терпеть не мог свою супругу, а сейчас на её месте я, и грозный, огромный, властный дракон желает меня так, как никого никогда не желал... Но что это - неизведанный магический мир? Прости, дорогой, у меня та-а-ак много дел! Боюсь, ты был слишком плохим и одной истинностью и жаром в глазах тут не отделаться...

Дальнейшая судьба Риордана описана тут:

Содержание

Глава 1. Приятно познакомиться, я ваша... жена!	4
Глава 2. Драконистые порядки Эсмара	27
Глава 3. Распущенная прогулка принцессы	54
Глава 4. Ужин при свечах	79
Глава 5. Дом, милый дом	112
Глава 6. Попаданка наводит свои порядки	144
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Глава 1. Приятно познакомиться, я ваша... жена!

День был хороший, солнечный. Я за рулём, уставшая, но довольная. А дальше всё быстро. Ресницами — хлоп! И вот уже в мою Ладу Калину врезается громадный чёрный джип. Помню, последней мыслью было, что точно не выживу после такого столкновения. Больно не было, страшно тоже. Слишком быстро. А затем меня накрыл золотистый, мерцающий свет.

Мрачно и как-то скомкано? Допустим, но, как оказалось, это не конец, а самое начало.

Отсчёт начинается через...

Три.

Два.

Один!

— Ваше Высочество! Ваше Высочество! Крагх побери, госпожа не дышит!

Кто-то надо мной что-то вопит. Всё-таки жива. Мысли пока что вялые, им обычно после пробуждения нужно время, чтобы набрать скорость. Госпожа? Я в палате с любителями БДСМ? Приоткрываю глаза, замечаю сразу три вещи.

Первая — это не похоже на больницу, всё обшито красной

тканью, всё такое барокко.

Вторая — мужчина надо мной будто только что сбежал из какого-нибудь спектакля — кружевная белая рубашка, изумрудная жилетка, надушенные и напудренные тёмные волосы... Странно.

Третья — рёбра ошпаривает сильная боль, дышать трудно и находиться в сознании тоже.

Перевожу взгляд ниже и обнаруживаю на себе зелёно-синее платье. Бархатное, с кружевом, рюшами и, конечно же, корсетом.

— Сними! — шепчу. — Сейчас же ослабь...

— О, Ваше Высочество, вы очнулись! Как хорошо!

Ну что за недотёпа? У меня уже в глазах всё плывёт, но повышаю голос:

— Говорю, корсет развяжи!

Он замирает на несколько мгновений, затем мотает головой то ли утвердительно, то ли отрицательно, но помогать всё же кидается. На удивление не возится со шнуровкой полчаса, и я не успеваю умереть (снова?) до того, как он заканчивает. С удовольствием делаю вдох и выдох.

— Что... — произношу, прочистив горло. — Что здесь происходит, товарищ?

Он отшатывается от меня, низко кланяется. И остаётся в таком положении — согнувшись пополам — пока я, всё ещё валяясь на полу в этом ужасном платье, не свожу с него недоумевающего взгляда. Чего он хочет?

— Ваше Высочество... я не смею об этом говорить, — начинает протяжно, — но у меня больная спина. Я сорвал её по дороге в вашу резиденцию.

Я выгибаю бровь. Бедный мужчина.

— Вам помочь разогнуться? Знаю, как это неприятно. У самой недавно было.

— Ваше Высочество, принцесса Виктория, я же не об этом говорю...

Принцесса, значит. Час от часу не легче. Впрочем, если это не шутка, а новая жизнь, то я вовсе не против.

— Как тебя зовут? — спрашиваю, принимаясь стягивать с себя омут, в котором утонуть можно. Душиловка какая-то, а не наряд.

— Гарольд, Ваша Высочество, кутюрье. Наверное, это всё удар, воздух... его отсутствие... — он умудряется жестикулировать всё ещё в согнутом положении. Станный, однако. — Я ведь уже представлялся.

— Гарольд... Вроде Григория?

Он совершенно теряется и смотреть на меня начинает совсем измученно. Ладно, никакого постсоветского колорита, поняла. Гарольд так Гарольд.

— Ваше Высочество... тяжело, — пыхтит он.

— Так поднимись!

— Я... да как же... О, что вы делаете, Госпожа?

В конце концов, он зажмуривается. Наверное, потому что я окончательно избавляюсь от корсета и платья. Для удоб-

ства встав на колени.

— Можешь смотреть, чего так переживать? Женщин никогда в нижнем белье не видел? Бедолага...

Хотя какое это бельё? Просто нижнее шёлковое платье. Очень целомудренное, между прочим, длинное и без выреза.

— Я... Ох... — он начинает что-то мямлить и едва ли не плакать. Я тем временем занята тем, что рассматриваю собственные руки. Может быть, и неприлично не смотреть на собеседника во время разговора, но во-первых, он на меня тоже не смотрит, а во-вторых, пальцы не мои совсем. Тонкие, бледные, холёные, нежные.

И тут варианта два: либо авария и последующая хирургия творит чудеса, либо тело в принципе не моё.

Нет, разумеется, можно было и раньше догадаться, но чёрт возьми...

Я усмехаюсь не по-доброму собственным мыслям, не глядя на бедного мужчину, при этом спокойно объясняя ему свою позицию:

— Гарольд, я не люблю намёки. Если тебе есть что сказать, пожалуйста, друг мой, говори прямо. Почему ты всё никак не разгибаешься и зенки не продаираешь? Я понимаю, я принцесса, а ты, очевидно, нет... Но посмотри на это с другой стороны — ты спас мне жизнь. Мы в закрытой комнате. Никаких титулов, только голая, — касаюсь своей ключицы, — правда.

— Вот именно! Ваше Высочество, я же мужчина...

— Мужчина? — я усмехаюсь, переводя на него взгляд, но свою мысль не продолжаю. Обидеть не хочу. Всё-таки милый человек.

— Вы же знаете, слуга не может смотреть сверху вниз на королевских особ... А вы на полу, принцесса. И всё никак, — он всхлипывает, — не встаёте.

Оу.

— Господи, так бы и сказал — встань! Встаю, встаю...

Я быстро спохватываюсь и поднимаюсь несмотря на головокружение.

Я это, значит, делаю, а Гарольд не шевелится.

И всё ещё жмурится.

— Ну что не так?

— Вы... вы прикрылись?

— Я уже прикрыта. Вообще ничего не видно. Сам посмотри! — не выдерживаю и тихо смеюсь. Так странно он выглядит. Вот только я неизвестно где и в чужом теле — ещё страннее. Но проблемы надо решать поступательно. — Ты же кутюрье вроде. Мерки для своих платьев не измеряешь обычно у королевских особ? Или прямо в платье обмеряешь, м? Я не спец, конечно, но мне кажется, что это плохая идея.

— Для этого есть специальные люди, Ваше Высочество.

— А ежели они ошибутся? — упираю руки в бока. — Хороший мастер всё сам должен перепроверять. Ну да ладно. Распрямляйся и открывай глаза. У нас будет серьёзный разговор...

Он не слушается. Вот негодник!

Попробую-ка так...

— Это приказ!

Гарольд, помедлив несколько мгновений, всё же распахи-
вает веки. Я только сейчас замечаю, что у него красивые зе-
лёные глаза.

— А теперь выпрямись.

— Ваше Высочество, — Гарольд произносит это страш-
ным шёпотом. — Я того... не могу.

Не успеваю я что-либо предпринять, как в дверь стучат.

— Принцесса Виктория?

— Да? — вроде Вика — это я. На самом деле меня зовут
Антониной. Но это похоже уже в прошлом. Что ж, Тоня и
Тори — можно привыкнуть.

— Прошу прощение, вы просили не беспокоить, но до ме-
ня только что дошла новость — ваш супруг направляется
прямо сюда. С претензией.

Супруг? Вот это поворот!

В прошлом году мне исполнилось тридцать. И задувая
свечки на торте с надписью «Поздравляю! Ты на год ближе
к смерти!», я загадала себе нормального мужика. Но честно
говоря, не особо верила в то, что что-то получится. Поэтому
на всякий случай завела кота. Но дело не в нём, а в том что
с желаниями действительно нужно быть поаккуратнее.

— С какой ещё претензией? — это я спрашиваю, подходя
к бедняге Гарольду, чтобы осмотреть его спину.

— Насчёт ваших обнажённых изображений... — отвечает девичий голосок.

Что? Интимные фотки не тому отправила что ли?

Голубь оплошал?

Правда, вслух я ей ничего не отвечаю, потому что слишком занята важным делом. Разминаю спину Гарольда. Авось поможет. Он весь дрожит и бормочет что-то типа: «Нет, принцесса, меня казнят...». А затем начинает стонать. То ли от боли, то ли от эмоций.

— Потерпи, сейчас мы всё исправим.

— Принцесса, — с придыханием произносит доносчица информации, с которой я без понятия, что делать, — всё... в порядке?

В ответ ей доносится пронзительный крик Гарольда, переходящий в стон.

— Я сейчас умру! — это его слова, не мои.

Вот и поговорили. Девушка с той стороны двери будто бы смущается.

— Ну, я пойду?

— А ты кто? — пусть спишет на то, что я не узнала её голос или придумает какое-то другое объяснение вопросу. Я ничего не понимаю, с меня взятки гладки.

— Ваше Высочество, это я, Сирина. Ваша камеристка, — это произносит уже как-то совсем отчаянно.

— Поняла. Супруга, что бы там ни было, не пускать ко мне, пока сама не разрешу.

— Не пускать принца?

Принца? А ну да, я же принцесса. Логично.

— Ага. С двумя мужчинами я за раз не справлюсь, как думаешь?

— Я постараюсь, Ваше Высочество.

Она отходит, и в этот момент Гарольд, наконец, распрямляется. Он не очень высокий. Одного роста со мной. Ну или он нормальный, а я высокая. Не очень понятно. В принципе симпатичный мужчина средних лет, черноволосый, с усиками.

Он смотрит на меня ошалело.

— Его Драконье Величество сожжёт меня дотла теперь.

Я открываю рот. Ладно, допустим, всё это не шутка, не реалити-шоу. Я в это верю из-за аварии. Почему-то нет сомнений, что в своём мире я всё — тью-тью. Но этот человек действительно хочет мне сказать, что я нахожусь не только в другом мире в чужом теле, но в мире, где есть драконы? И, наверняка, не только они.

Сердце начинает быстро-быстро колотиться, пальцы подрагивают.

Мне срочно нужно разобраться в происходящем!

— Успокойся, никто тебя не тронет. Я же могу это обещать, да? — улыбаюсь ему, чтобы немного припудрить неуверенность в голосе.

Он несколько раз кивает.

— Вам... — начинает дрожащим голосом, — не понрави-

лось платью, да? У меня было мало времени, Ваше Высочество. Меня приставили к вам недавно, а до парада осталось всего несколько дней.

Парад, супруг, дракон, принцесса, платье...

Нет, в этой комнате точно кто-то скончается. И я даже скажу кто. Я!

Я беспомощно оглядываю комнату и замечаю зеркало в полный рост. Всё это время оно было отвёрнуто, поэтому мой взгляд не зацепился.

— Вы отворачиваете, когда вам не нравится, я это уже понял, — с грустью произносит Гарольд. Причём, с грустью не меньшей, чем когда был охвачен мыслью о собственной смерти.

Я облизываю губы. Тянет посмотреть на саму себя. Очень.

— Слушай, мне всё понравилось. Это вышло случайно — я же падала. Ты молодец. Кто-нибудь выпишет тебе премию. Надо не забыть сказать. Ну, вознаграждение. Мне нужно привести себя в порядок сейчас. Ты не мог бы...

— О да, — он энергично кивает, счастливо улыбаясь и... плача? Красивые зелёные глаза на мокром месте. Не знаю, мило это или странно. — Позвать кого-нибудь, чтобы помогли одеться?

— Нет, пока нет. Но ты не мог бы принести мне какое-нибудь платье попроще без корсета?

Не знаю, есть ли тут одежда, но мне нужно, чтобы он вышел, а затем вернулся. У меня есть вопросы.

— Но, Ваше Высочество, ваш супруг...

— Уверена, — отмахиваюсь, — он любит меня такой, какая я есть...

Гарольд открывает рот, будто хочет что-то сказать. Даже возразить. Но в итоге не решается и уходит.

Я остаюсь одна в этой вырвиглазной красной комнате. Я и зеркало.

Сердце пропускает удар. Ощутимый, болезненный.

Что же ждёт меня впереди?

— Смерть! — кричит кто-то своеобразным голосом будто под ногами. Я опускаю взгляд. Под зелёно-синей тканью платья что-то барахтается. Ну, наверное, говорящий кот. Или на худой конец пёс. Или крыса. Я уже ничему не удивлюсь.

Или всё же удивлюсь.

Не без моей помощи из-под тяжёлого платья вылетает... большая книга в кожаном переплёте. Она машет страницами, как птица крыльями. Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, я сейчас хлопнусь...

— Антонина Сергеевна Курочкина?

Боже, прозвучало так, будто я снова оказалась в Аду. Ну, то есть в нашем местном паспортном столе. Официально слишком.

Видимо, я молчала в ответ слишком долго. Несколько секунд! Потому что книжка начинает едва ли не рычать на меня:

— Мне нужно подтверждение!

— Да, это я.

— Хорошо.

И что этого достаточно? Бюрократия...

— Меня зовут Элис, я божественная помощница.

— Что?

Книжка нетерпеливо поясняет:

— Программа, направленная на поддержку попаданок.

Инструкция, разжёвывание очевидных фактов, техническая поддержка на месяц. Тариф безвозмездный. Брать будете?

По-па-да-нок.

Я что-то такое где-то слышала... И это случилось со мной? В самом деле?

Вообще, осознать такое трудно, и я уверена, что на моей психике подобный поворот ещё скажется, но на руку играет уверенность в том, что я умерла в своём мире. Там моя жизнь закончена. Об этом расскажут родственникам, кто-то обязательно покормит кота и устроит всё наилучшим образом. А здесь новая жизнь. К тому же замужней принцессы, плюс — льготный пакет от местных божеств или что там. Пожалуй, не откажусь!

— Беру! С удовольствием, Алиса, расскажи мне все очевидные факты.

— Хорошо, — мне показалось, или книжка вздохнула? Как раз думала уйти на перерыв, а тут я со своими проблемами! Увы, жизнь умеет подкидывать сюрпризы. Точнее, подкладывать.

— Это нормальная практика для местных, да?

— Какая именно? — книжка начинает хлопать страницами, я начинаю чихать. Пыльная она какая-то. Странно.

— Что девица из другого места сюда попала.

Я всё-таки разворачиваю к себе зеркало. Пульс сразу же учащается, уж не знаю почему, но на глаза слёзы накатывают. Новое тело совсем не похоже на меня прошлую. Я была рыжей, веснушчатой, полноватой. Это же молодая женщина очень утончённая, проще сказать будет — идеальная. Аккуратный, прямой нос, большие глаза, тепло-карие, мягкие нежно-розовые губы красивой формы, полные в меру, длинные волосы цвета тёмной карамели. Что ж, я выгляжу теперь максимум на двадцать пять. Выгляжу красивее, чем все девушки, которых я видела раньше. С трудом верится, что я когда-нибудь привыкну к этому облику. Но в то же время — мне всё нравится. До мурашек.

Книжка делает такой звук, словно собирается прочищать горло, явно намереваясь ответить на мой вопрос, но я перебиваю её и задаю новый:

— А что случилось... с ней?

И вновь по телу волна мурашек. Но на сей раз неприятная.

— А ты как думаешь? — Алиса отвечает резко. — Задохнулась она. Корсет слишком туго затянула.

Да как такое вообще возможно? У меня округляются глаза, взгляд падает на злополучное платье.

— Как-как? Сознание потеряла, упала на пол, задохну-

лась. И в тот же миг ты попала в её тело. Поздравляю — теперь ты принцесса Виктория, — это звучит с какой-то ехидцей.

Разве плохо быть принцессой? Нет, в моём мире — определённо, да. Но у них тут и драконы есть. Может, у принцесс отличная судьба. Фэнтези же.

Я опускаюсь на стул, книжка же приземляется на дамский столик прямо корешком вниз, при этом в закрытом состоянии. У неё красивая кожаная обложка с разными выпуклыми деталями, которые я не могу как следует рассмотреть из-за грязи и пыли. И позолоченные толстые страницы.

— Ну, — тянет она.

— Что, ну? Я пытаюсь переварить тот факт, что нахожусь в теле женщины, которая пять минут назад умерла. И, видимо, должна буду её замещать.

Алиса хмыкает. Мне кажется, если бы она была девушкой, то точно закатила бы глаза. И с чего такая неприязнь? Ах да, она же вынуждена оказывать мне помощь абсолютно «безвозмездно». Надеюсь, что не как Сова из «Винни-Пуха».

— Я имею в виду, открой уже меня. Мы, конечно, почти не знакомы, и это унижительно, но всё же...

Я не собираюсь слушать причитания с налётом ханжества, а потому раскрываю книгу. Алиса вздыхает. Ну трепетная лань, посмотрите-ка на неё.

Видимо, номер страницы был неважен, потому что я сразу же попадаю на изображение того самого злополучного джи-

па. В стиле каких-нибудь там гравюр, но всё же...

Меня передёргивает. Тут же накатывает какое-то отчаяние, обида, злость. Был такой погожий день, блин! Усилием воли отгоняю это от себя. Просто знаю, что если начнётся истерика, никто малой кровью не отделается, в том числе и я сама.

Изображение слегка подсвечивается золотым светом, который я уже видела. Маленькие лучики проходят как бы сквозь чернила, и я даже могу коснуться их и ощутить тепло. Вау! Очень приятно.

— У тебя есть все навыки принцессы, в том числе и понимание языка. Но некоторые понятия придётся заучить самой. Названия и всё прочие, у чего нет аналогов в твоём прежнем мире, — начинает, видимо, ускоренный курс для попаданок Алиса. — Мир, в который ты попала, зовётся Эсмар. Попаданки здесь бывают, но это редкость. И обычно они переносятся к нам в своём теле. Не продолжают ничью судьбу.

Даже не знаю, считается ли тогда, что мне повезло? Или всё наоборот?

Страница переворачивается сама. Я выгибаю бровь — могла, значит, и не требовать от меня «раскрытие сокровенного»...

Дальше мне показывают... не слишком красивую картинку. Её даже описывать не хочется. Если кратко — так выглядят люди после серьёзных, многочисленных травм.

— Дело в том, что обычно попаданки попадают в Эсмар за секунду до смерти в своём мире. Если они избраны, конечно. Им уготована особая судьба в этом мире, а прошлая жизнь была лишь ступенькой к этому.

— Так, и что со мной не так?

Алиса хмыкает. И перелистывает страницу. Мда, радужнее не стало. Теперь я вижу своё новое тело на полу. Будто кто-то зарисовал меня же за секунду до «пробуждения».

— Я полагаю, что сработало особое положение. Ты не успела переместиться в Эсмар, твоё тело было испорчено. Просто всмятку, дорогуша, понимаешь? В тот же момент погибла Виктория, это случилось секунда в секунду. Возможно, это было предрешено. И вот, ты оказалась в её теле. Идеальное совпадение.

Я не сразу замечаю, что начинаю мять в тонких холодных пальцах ткань нижнего платья.

— Почему идеальное?

Алиса вновь переворачивает страницу. Теперь на картинке какая-то каменная рамка, увитая цветами. А на заднем фоне небольшое здание. Тоже каменное.

— Это порталная рамка. Попаданки обычно появляются в них. У каждой порталной рамки есть служитель. Он должен оповестить предполагаемого избранника попаданки о том, что она появилась в Эсмаре. После чего мужчина приезжает и забирает невесту.

— Ничего не понимаю, — ещё немного, и у меня голова

заболит. — При чём здесь какие-то избранники? Почему девушки сразу же обзаводятся женихами? И как насчёт моего случая? Никакой рамки не было.

— Принцесса Виктория, — нараспев протягивает Алиса, — вы очень нетерпеливы.

Такой ответ мне ой как не понравился. Она должна понимать, что оказаться в другом мире с занудной книженцией — не предел моих мечтаний.

— Антонина, — поправляю её.

— Имя больше не нужно. Подтверждение произошло.

— Идентификация?

— Теперь я не стану к вам обращаться иначе, чем принцесса Виктория. Таковы правила. Итак, могу я продолжать или нет? Помните о том, что моё общество скоро закончится.

— Вот только не нужно на меня давить. Продолжай. Только... — я поджимаю губы, — не могла бы ты звать меня хотя бы Тори?

— То-ри, — тянет книга, — ладно уж. Всё равно никто не должен узнать про меня и наше общение.

А вот это была ценная информация, о которой нужно было сказать в первую очередь!

И тем не менее, меня порадовало то, что моя помощница, проводница в новый мир, скажем так, не бездушный робот, который неукоснительно следует правилам.

Не «Алиса» из моего мира. Хотя аналогия мне нравится.

— Дело в том, что в мире Эсмара есть понятие, которое отсутствует в мире, из которого ты прибыла. Это понятие — истинные пары. Идеальная совместимость двух особей. Связь между ними. Для поддержания равновесия так уж вышло, что многие истинные мужчин Эсмара — иномирянки. Теперь вы понимаете, принцесса... Тори?

Я выгибаю бровь. Мне почудилось, или она называет меня на «вы», когда издевается или злится? Какая интересная книжка. Жаль её не пригласишь на бокальчик красного, чтобы поговорить по душам.

— Кажется, да, — то и дело поглядываю на себя в зеркало, стараясь примириться со своим отражением. А то неловко будет, если однажды ночью испугаюсь его. — Попаданки прибывают в ваш мир с единственной целью — удачно выйти замуж. И для этого есть даже специальные арки и домики. И они попадают в своём теле. Но у меня всё иначе.

Алиса «всплёскивает» страницами.

— Я ведь объяснила, почему это произошло! Я что должна по несколько раз повторять? Вы — истинная пара супруга Виктории. Поэтому нет ничего лучше, чем тело его жены. Не находите, разве?

От удивления я прямо-таки открываю рот. Истинная пара чужого мужа? Да ещё и дракона? Но как же...

Тут же поднимаюсь со стула и начинаю ходить по комнате. Небольшой, кстати, не слишком приятной, без окон. Здесь нет кровати, и хотя бы этим можно утешиться — вряд ли это

спальня принцессы.

— Но как же? Он муж принцессы Виктории. И любит, наверное, её. А тут я. Встала на её место. Как так?

Книжка... хихикает. Мерзковато хихикает! Вот же засран... стерва!

И что это значит?

Разумеется, выяснить не успеваю — в дверь стучат.

— Ваше Высочество, — ах, это Гарольд, а я уже успела по нему соскучиться, — я принёс вам платье. То, что просили. И другое. Советую надеть второе.

— Это ещё почему?

Он заходит, кланяется осторожно и обводит меня виноватым взглядом:

— Принц Ричард здесь.

Я оборачиваюсь на Алису, книжка тут же перестаёт хлопать страницами, словно птица — крыльями, скромненько лежит себе на столике закрытая.

— Войди, Гарольд, — вот те на, только попала сюда, а уже пытаюсь выделывать голос по-королевски. Раскрывать себя не стоит. По крайней мере, пока не разберусь побольше в этом мире.

Мужчина в забавной одежде проходит вглубь комнаты, уперев глаза в пол, будто мы с ним уже и не проходили этот этап. Ну что ж ты будешь делать...

— Вот Ваше Высочество — просто платье свободного кроя. Вообще-то, такие платья тоже входят в моду. Но эта

мода скорее столичных свободомыслящих дам, а вовсе не знатный лэри и уж тем более не тех, в ком течёт королевская кровь... Я думаю, ничего страшного бы не было, если бы вы надевали такое в своих покоях. Разумеется, за закрытыми шторами, Ваше Высочество. Но теперь, когда принц уже здесь... ну разумеется, я не мог оставить вас в таком виде. Смотрите, что я принёс. Красный — цвет страсти. Возможно, вы вновь сможете разжечь её в вашем супруге... ой... Я не то сказал. Прошу прощения.

Он страшно заволновался.

А мне страшно, просто до одури, захотелось уточнить, что же у принцессы не так со страстью принца.

Но об этом наверняка знает строптивая книга (кто знал, что я когда-нибудь буду использовать такое словосочетание?). Лучше спрошу её, не буду ещё больше смущать Гарольда и навлекать на себя подозрения.

— Нет, пожалуй, я всё же надену светлое, — тяну руку к очень милому платью. Оно несколько вычурно на мой вкус, но всё же. Чем-то напоминает идеализированную сельскую эстетику из социальной сети с картинками. Красное очень похоже на то, что я уже сняла. С чёрным корсетом, тяжёлое и объёмное. На подол нашиты тканевые розы. Ужас какой-то. Даже если я смогу всё это на себе выносить, это явно состарит Викторию лет на двадцать. Как можно такой юной девушке подбирать такие громоздкие наряды?

— Ваше Высочество, — Гарольд округляет глаза, — по-

жалуиста... Меня направили следить за вашим имиджем... Подобное... очень сильно... меня же уволят с позором!

Он всхлипывает и вдруг встаёт на колени.

— Пожалуйста, принцесса Виктория, смилуйтеь надо мной!

Вообще-то, я собиралась стоять на своём. Но, глядя в жалостливое лицо мужчины и боясь, что у него снова переклinit спину, поспешно заставляю его встать.

Нет, так нельзя. Даже не зная ничего о порядках этого мира, нельзя лезть со своим уставом. И портить вроде неплохому человеку жизнь. Конечно, я уже сейчас понимаю, что хорошо роль принцессы Виктории отыгрывать не смогу, но менять правила нужно постепенно. Не буду шокировать королевский двор.

В первый день не буду.

— Спасибо! Спасибо огромное! — он утирает глаза неизвестно откуда взявшимся цветастым платочком. Какая милота. — Когда вы будете готовы? Я сообщу Сирине.

— Готова к чему? — выгибаю бровь.

— Принять принца Ричарда, Ваше Высочество.

Я усмехаюсь.

— Никого я не буду сегодня принимать! Мне ещё надо... кое-что почитать, — бросаю взгляд на Алису.

— Но у него срочное дело. Боюсь, он ворвётся сюда, если вы не дадите ответ.

— Ворвётся? А как же приличия?

Гарольд не отвечает. Но смотрит виновато.

Принц, получается, далеко не подарочек. Мне тогда тем более нужно подготовиться к встрече с ним.

— Передай, что мне нездоровиться. Я ведь головой удари-
лась. Может быть, через часик, может быть, через десять...

— К вам послать лекаря?

— Лучше бы вы все принца послали! — выдыхаю я. —
Просто передай информацию и всё.

— Хорошо, я пришлю девушек, чтобы помогли с платьем.

— Сама.

Гарольд смотрит на меня недоверчиво, но всё же уходит.

А до меня только сейчас доходит, что это как-то странно:
у принцессы есть муж, но он откуда-то едет к ней, чтобы её
посетить. И ещё и «ворваться» может. Что ж там за дикарь?

— Алиса, чёрт с ним с попаданством пока что, но ты мо-
жешь рассказать мне о моём якобы муже?

— Он — ваша истинная пара, — деловито поправляет
книга, — и, разумеется, эта информация входит в пакет
услуг.

Разумеется, это было произнесено тоном «какая ты недо-
гадливая милочка».

Пока я рассматриваю платье со всех сторон, Алиса про-
должает:

— Ваша истинность раскроется постепенно, как бутон ро-
зы. Это займёт от нескольких дней до нескольких месяцев.
Бывают случаи, когда требуется гораздо больше времени, но

они — исключение из правил. В общем-то, для ваших отношений неважно прошлое принцессы Виктории и принца Ричарда, так как по сути он был в отношениях с другой душой. Но, разумеется, это важно для контекста...

Вот только так уж выходит, что контекст я узнаю сама.

Пока Алиса говорит, стягиваю с себя нижнее платье и, глядя в зеркало через голову надеваю красное роскошество. Вообще-то, наверняка мне не надо было ничего снимать, но я тогда совсем бы спарилась. Здесь довольно жарко даже в комнате без окон.

Едва успеваю просунуть руку в один рукав, как дверь комнаты распаивается. Книжка сразу же замолкает. Я замираю с глазами испуганной лани (наверняка!) и в полунаде-том платье (слева отлично проглядывается розовый кружевной бюстгальтер). По коже проходит волна цепких, колючих мурашек. Пульс разгоняется. Мужчина в дверях выгибает красивую бровь.

Я тут же понимаю, что мурашки у меня вовсе не из-за страха. Никогда ещё мужчины не производили на меня такого впечатление... Даже дышать стало тяжело, а щёки запылали.

И это в мои-то годы.

Он очень высокий, широкоплечий и судя по мускулистым рукам — без одежды выглядел бы ещё лучше. Его каштановые волосы убраны в низкий короткий хвост, на лицо выбилась одна прядь. И это почему-то делает мужчину ещё более

грозным. Волевой подбородок, острый, тяжёлый взгляд светлых глаз, надменный изгиб губ... которые уже спустя мгновения складываются в красивую усмешку.

Я чувствую его ауру. Давящая, уверенная, яростная.

Перед такими хочется склониться.

Но только не мне.

Глава 2. Драконистые порядки Эсмара

— Я и не подозревал, что ты действительно можешь быть не подготовлена к моему визиту, Виктория, — произносит дракон.

Его голос сильный, бархатный, но со стальными нотками. Я даже судорожно начинаю перебирать в своей голове подкаты к мужской половине человечества, пока не ловлю себя на этом и не корчу гримасу.

— Как ты смеешь! Сейчас же выйди! Стража!

Нет, ну а вдруг? Моя это резиденция или не моя?

Ричард, видно, удивляется ещё больше. На это приятно смотреть, но длится сие удовольствие недолго. В следующий миг по маленькой комнате прокатывается его смех.

— Хватит ломать эту комедию. Ты вовсе не в беде, защитники тебе не нужны.

Голос надвигается. Как и сам дракон. Каждый шаг, каждый взгляд, каждое движение губ — угроза. Он припирает меня к стене, всматривается в лицо, большим пальцем обводит подбородок и вдруг произносит холодно:

— Что ты с собой сделала? Новая причёска? — запускает пылающую ладонь в волосы. — Что-то изменилось.

— Ты очень внимателен, дорогой, — мурчу я и тут же пытаюсь его оттолкнуть.

Он скользит взглядом по моему оголённому плечу, ложбинке, кружеву белья... И как-то зависает на несколько мгновений. Я усмехаюсь. Проблемы со страстью? Отсутствуют!

Он рыкает, заставляя меня вздрогнуть. Действительно, дикарь, настоящий зверь... ещё и такой огромный. Я никогда не видела мужчину настолько выше меня, но притом ладного, накаченного, идеального. Вот уж за кем, наверное, и вправду, как за каменной стеной.

Мысли всё время уплывают к его достоинствам... Хотя он припёр меня к стене, едва ли не лапает (взглядом точно) и грозно дышит в макушку.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — чеканит. — Всё королевство смеётся над тобой. Это удар по всей королевской семье. Я хмурюсь и снова пытаюсь его оттолкнуть.

— Звучит просто ужасно.

— Что именно? — как-то не отходит он и взгляд не отводит. А я дрожу... от возмущения, разумеется!

— То, что ты ставишь то, что подумают обо мне люди выше меня самой и моих чувств. Ведёшь себя, словно животное! — вообще, так странно тыкать незнакомому мужчине и отчитывать его так, будто мы уже двадцать лет в браке. Но, видимо, придётся привыкать. — Не знаю, чем я там таким провинилась перед королевством, но ты мой муж, не так ли?

Ты должен в первую очередь меня защищать.

Он отступает от меня. Облизывается (ой, зачем я на это посмотрела...) и едва заметно качает головой, будто отгоняет от себя какие-то нежелательные мысли.

— Не знаю, что ты задумала, Виктория, но я на это не поведусь.

— А мне кажется, что уже, — я усмехаюсь.

Сама не знаю, почему. Может, чтобы скрыть собственное состояние, когда он рядом.

— У тебя есть минута, — произносит дракон. — Делай с собой, что хочешь. Второй раз я не буду стучать. Хочу показать тебе, как я тебя защищаю.

Он уходит, весь такой гордый и злой.

А я только и могу, что ловить ртом воздух.

— А разве, — наконец, очухиваюсь и принимаюсь поправлять платье, — он в первый раз стучался?

Вопрос, конечно, риторический. Я только и успеваю, что поправить рукав и откинуть в сторону очередной корсет.

Ричард точно так же пафосно врывается в комнату и кидает в её центр мешок. Открытый. От удара из него вылетает целая куча каких-то бумажек.

Дракон садится в кресло, перекидывает ногу на ногу. Кивком указывает мне на принесённое добро, мол, посмотри, это я добыл. Добытчик. Ну, может, он, конечно, и не так кивнул. Но мне так приятнее думать. Поднимаю одну из бумажек и с недоумением в неё вглядываюсь. Муж нетерпеливо

покачивает мыском огромного кожаного ботинка.

— Ну и что ты на это скажешь?

— Я не эксперт, но работа хорошая. Нормальный такой эскиз.

Он вновь выгибает бровь.

Я мило улыбаюсь:

— Имею в виду, симпатичный.

— Не заговаривай мне зубы, Виктория. Это твоё тело.

Я подношу бумагу к свечам.

— Правда?

На листке обычный такой эскиз углём женской натуры. Поза более ли менее невинная. Обычный рисунок. Художники, когда учатся, делают тысячи подобных.

Даже если это и правду моё тело, не вижу никакой проблемы.

— Там подпись на эльфийском. Твой фаворит, не так ли?

— он произносит это так обыденно, что мне вмиг становится холодно. От его поведения, голоса, взгляда.

Пожимаю плечом. Тут я не в курсе, но нужно как-то выкручиваться.

— Всё может быть.

— Ты уже даже не помнишь? Меняешь мужчин как перчатки... Ладно. Но ты можешь хотя бы не выставлять их на показ?

— Неа. Научишь?

Он ухмыляется.

— Я подхожу к этому с умом. Но тебе этого никогда не понять. То, что ты часть королевской семьи — ошибка. Прямо перед парадом мы врывались в дома людей, чтобы конфисковать это. Пришлось даже новый закон издать. И всё из-за того, что ты даже не умеешь выбирать мужчин. Твой эльф продал это изображение. Его растажили. И теперь всё королевство видело тело моей жены.

Он говорит это довольно серьёзно. Но от этого не менее смешно.

Я не могу долго сдерживаться.

Смеюсь в голос.

Ричард поднимается. Такой холодный, что даже раскалённый. Нависает надо мной.

— Ты находишь это смешным?

Я кладу ладонь на его грудь, провожу пальцем по грубой ткани. Он отшатывается. Не сильно. Но заметно. Для меня заметно.

Бросает на меня странный взгляд. В глазах вопрос. И что-то мне подсказывает, что вопрос не по поводу этих недоделанных интимок.

Я вытряхиваю мешок, заставляя бедные картинки летать по комнате.

— Что это по-твоему? — спрашиваю у него так, будто он школьник на моём уроке. Изо всех сил игнорируя жгучий взгляд. Да он, верно, готов меня убить.

— Я вижу, — дракон выдыхает, — ты безнадежна.

— Это просто рисунки, Ричард! Кто угодно мог нарисовать что угодно и подписать как угодно! Кто знает, какое у твоей жены тело на самом деле? Тут нарисовано что-то дефолтное.

Он выгибает бровь.

— Я имею в виду, стандартное. И в чём проблема? Устроили бурю в стакане, тоже мне...

Ричард вновь нависает надо мной и подталкивает к стене. Тело вновь одолевает дрожь. А ещё трудно отвести от него взгляд. Его глаза отчего-то будто хмельные. Но ещё несколько мгновений назад я этого не наблюдала.

Странно.

— Кто ты? — едва ли не рычит дракон, отчего мне становится совершенно не по себе.

В каком смысле кто? Он что догадался? Так быстро? Разве так должно быть? Если я правильно поняла, мне нужно жить жизнь Виктории, а значит и притворяться ей.

В его взгляде пляшут настоящие черти, от прикосновений меня будто бьёт током, дыхание перехватывает, пульс отплясывает чечётку.

Он касается горячей ладонью шеи, ведёт ниже, хватается меня за талию, слегка сжимает и поглаживает большим пальцем. Я вдруг стала куда более чувствительной, чем раньше. Могу даже сказать, что на его большом пальце перстень. И с ним... кхм... ощущения не те. Только мешается!

— Виктория, — надеялась, что выйдет уверенно, а полу-

чается какое-то хрипловатое бление.

Дракон усмехается.

И вмиг становится каким-то недовольным и холодным, хотя и не отстраняется. Не отстраняется ни на йоту.

— Ты — моя жена, принцесса нашего королевства. Дело не в изображении. Дело в том, что мы оба знаем, что писали с тебя. Тот мальчишка...

— А даже если так? — я вскидываю подбородок. — Это искусство.

Дракон вдруг... приближается ко мне и касается губами мочки уха. А затем и острыми зубами. Слегка оттягивает и прикусывает, заставляя вздрогнуть всем телом.

— Я ещё раз спрашиваю — кто ты?

Молчу в ответ побледнев.

— Моя жена, — повторяет он. На моих глазах его вполне человеческие ногти превращаются в длинные острые когти. Он касается гладкой их стороной моей щеки. И ухмыляется. — Принцесса, а не натурщица. То, что может себе позволить простолюдинка, не может позволить та, что однажды станет королевой. Ты должна держать своих... прислужников на коротком поводке. Не нужно делать из меня дурака, Виктория.

Он отходит и из меня в этот миг будто душу вынимают.

— Я не смогу прикрывать тебя вечно, — вдруг бросает он мне с такой... горечью, что весь настрой на шутки вмиг пропадает.

Что же всё-таки между ним и его женой?

Он как будто собирается уходить. Но останавливается, поднимает один из злосчастных рисунков, всматривается и хмыкает.

— Я не помню, у тебя действительно вот тут родинка?

Указывает на лопатку девушки.

— Мне-то откуда знать... — вздыхаю я. — То есть...

Но он не даёт собраться с мыслями и вновь оказывается слишком близко. Слишком горячий. Слишком непонятный. Слишком притягательный. Слишком...

— Ммм... — стараюсь сдержать стон, когда его обжигающее дыхание касается моей шеи. — Что ты... это ещё зачем?

Он прикусывает ключицу. С такой... нежностью, что я...

Ударяю его по наглой роже!

Потому что у меня сейчас такое состояние, что если не принять меры, случится может всякое. А я его не знаю даже! Кроме того, что он дракон, мой муж и дико возбуждает.

Мда... по всему выходит в этом списке, что бить не надо было.

Ричард отстраняется. Вновь становится холодным. Мрачным. И даже будто жестокость проглядывается в нём. Но я почему-то этому не верю.

Может быть, он, конечно, окажется тем ещё... Но пока у меня есть надежда на лучшее.

Дракон хмыкает, окинув взглядом комнату, мешок с картинками и меня. Меня особенно. Затем отчеканивает:

— Я остаюсь здесь.

И уходит. Вальяжный и как будто довольный!

Я по стеночке спускаюсь на пол, потому что ноги дрожат безбожно. Да и руки. Ещё только глаз должен задёргаться для полной картины.

— Что это было? — спрашиваю у Алисы.

Но она не отвечает.

Потому что в следующий же миг в комнату осторожно входит Гарольд вместе с молодой и симпатичной блондинкой. Я тут же через силу поднимаюсь — во избежание. На ней довольно помпезное платье, но по почтительному поклону понимаю, что она всё-таки мне служит здесь.

— Ваше Высочество... — по голосу понимаю, что уже говорила с ней.

У девушки испуганные большие глаза. Но конкретно она ни о чём не говорит и не спрашивает. Видимо, опасается. Про вид кутюрье и говорить не стоит, он всегда пришибленный.

— Я думала, что принц приехал только на разговор, принцесса, — говорит она. — Но он резко сменил свои планы.

— Да, — отзываюсь. — Что-то такое припоминаю. Мне кажется, я была в комнате в этот момент.

— Прошу прощение, — она вновь кланяется. — Приказать подготовить ему отдельную спальню?

Не совсем понимаю, это она к тому, что его возможно здесь не оставить? Или к тому, не будет ли он ночевать в моей? Судя по тому, что Ричард ворвался сюда, а стража никак

не отреагировала — выгнать его нельзя. Но и в страсти нашей все сомневаются... Значит...

— Ты спрашиваешь, чтобы поддержать меня и дать иллюзию выбора?

Она бледнеет.

Надо бы узнать, как Виктория с кем себя вела. Не дай бог здесь будут какие-нибудь близкие друзья. Тогда меня в один миг раскусят.

— Простите, принцесса...

— Ничего, оставьте меня. Насчёт принца — делайте всё как положено.

Блондинка кивает и выходит.

Гарольд остаётся. Ну ещё бы — у него здесь важное дело. Мужчина начинает кружить вокруг меня и охать.

— Платье испорчено... А это что? Шов разошёлся? Какой ужас...

— Не велика беда, всё можно исправить, — я стараюсь проявлять терпение. — В моём гардеробе должно быть что-то приличное на твой вкус. Полагаю, ты можешь выбрать что-то оттуда? Только, пожалуйста, попроще... А то принц и сам не против нарушить приличия...

Тут он спорить не решается.

И будто с желанием меня успокоить говорит:

— Это ведь хорошо, что он остался. Он так никогда раньше не делал, насколько я знаю.

— Ах, какая честь, — отзываюсь я.

Не понимая сарказма, бедняга кивает и хлопает в ладоши.

— Это всё моё платье... — слышу я его восторженный голос в коридоре. — Оно помогло принцессе вернуть прежнюю страсть!

Чувствую, будет весело — думается мне.

— Весело, — ехидно вторит моим мыслям Алиса. — Как тебе твой наречённый?

— Ну...

— Можешь начать прихорашиваться. Вы уже начинаете чувствовать зов истинности. Он придёт к тебе в спальню этой ночью. И уже не сможет выбирать других.

Я закрываю дверь поплотнее и подхожу к ней.

— Истинность не повод для...

Но — что ж ты будешь делать! — меня снова прерывают. В комнату, постучавшись для проформы, залетает темноволосая женщина в сером платье с белым передником. Скорее всего служанка.

— Простите, что так долго! — оттарабанивает она, помещивая в чаше какую-то больно вонючую смесь.

— Я уже и забыла про тебя, — стараюсь казаться непри нуждённой... хотя, может, наоборот надо злиться? — Что там такое?

— Как же!

Женщина ставит чашу на стол рядом с книгой. Той едва ли очень приятно.

— Я сделала нужный оттенок! Принц уже был здесь? Ах,

какая досада! Но ничего... он же останется на ужин? Вы появитесь перед ним с новой причёской и цветом. Это тот самый цвет! Чёрный с фиолетовым отливом...

Я бросаю взгляд на себя в зеркало. Мягкие, золотисто-карамельные локоны... Перекраситься? Да никогда!

Поправляю свои новые чудесные локоны, тем более что после драконьих лап это вовсе не жест только ради того, чтобы показать моё волнение — или как там обычно бывает в книгах?

Чудовище и вправду своими приставаниями обеспечил мне несколько неряшливый видок.

— А знаешь... — произношу легко, — я передумала. Не надо мне никакой краски на волосах. Убери это, пожалуйста.

Женщина таращит на меня глаза. У неё кожа цвета пергамента, желтовато-коричневатая. И всё равно ещё как заметно, что она бледнеет.

Эта прислуга в новом мире, видно, взялась меня шантажировать! Пугаются, расстраиваются... и приходится потакать! А я, между прочим, принцесса. Вроде.

Надо как можно скорее всё узнать. Всех выпроводить и остаться с Алисой в интимной обстановке.

Как говорится, по одному смутьяну за раз.

(Да ладно, никто так не говорит, это я сама придумала...)

— Ваше Высочество, принцесса Виктория, но ведь... госпожа Элинор несколько суток назад перекрасилась именно в этот цвет! Вы даже наняли своего человека, чтобы он убе-

дился в этом, — тут она понижает голос, видно, это какой-то секрет. Из чего я делаю вывод, что с этой женщиной у принцессы были более или менее доверительные отношения. Ясно, запомним, намотаем на ус. — Что-то изменилось? Она вновь сменила причёску? Но так быстро... Ведь это очень вредно для волос...

— Нет, точнее, не знаю насчёт госпожи Элинор, но я хочу оставить всё как есть. Это ведь мой естественный цвет волос? Он мне нравится.

Да, я, конечно, сама беспалевность.

Не знаю даже, какой у принцессы настоящий цвет волос.

Но женщина так возбуждена новой информацией, что будто и не замечает моих маленьких странностей.

— Да-да, конечно, мы ведь вывели белую краску, с юга она такая стойкая, просто ужас... Целый месяц отваров, чтобы привести ваши кудри в порядок и подготовить к покраске перед парадом. Ох, и хлопот же было и будет... Неужели всё зря? Принцу ведь не нравится ваш цвет.

В отличие от остальных, она не смущается. Значит, слышала это от самой принцессы.

Я сажусь в кресло напротив зеркала и даю себе несколько мгновений, чтобы всё хорошенько обдумать. Вспомнить поведение остальных слуг и их слова.

Судя по всему, принцесса и принц официально в браке и должны играть свои роли перед народом и появляться на всяких официальных мероприятиях вместе. Но на самом де-

ле каждый уже давно живёт своей жизнью. У Виктории есть фавориты, у Ричарда фаворитки. И все довольны. За тем исключением, что принцесса судя по словам дракона, переступает границы.

Что ж... вся эта ситуация довольно хороша для меня. По крайней мере, я не встала на место женщины, которую Ричард любил, по которой бы ужасно скучал. Хочется надеяться на это. И тогда, может, я смогу со спокойной душой действительно подумать о нём и этой... как её? Нашей связи.

Хотя если вспомнить радость Гарольда оттого, что дракон остаётся на ужин... И его уверенность в том, что я буду рада этому... то есть Виктория будет рада, можно сделать следующий вывод — принцесса пыталась вернуть расположение своего мужа.

И краситься собиралась, видно, потому что надеялась ему понравиться.

Бедняжка. Разве она не понимала, что под мужчину ни в коем случае нельзя прогибаться? Пусть любит такой, какая есть и не вы... и не драконится!

Тем более что она действительно очень красивая. И если Ричарду облик принцессы не по нраву, то это только его проблемы! Проблемы с головой!

— Вам грустно? — видимо, моё молчание затягивается.

Я поднимаю глаза на довольно приятную женщину и улыбаюсь ей.

— Просто думаю, как бы... понравиться Ричарду.

Чёрта с два! Говорю это только потому, что хочу проверить свою догадку.

Да, женщина нисколько не удивляется. Надо будет как-то узнать её имя и вообще имена всех, кого принцесса должна знать. Интересно, такая информация входит в пакет услуг Алисы?

— Так ведь ему нравятся холодные дамы из королевского круга... Может быть, вам всё же вновь попробовать вернуться в столицу? Там вы будете видеться чаще. И вы сможете брать пример с его фавориток.

Я открываю рот. Но слова как-то не идут.

— Я имею в виду — наряды, стиль... И, конечно, там он будет ревностнее относиться насчёт ваших любовников. Конечно, вас сослали сюда... Но ведь можно что-нибудь придумать.

Она ободряюще кладёт тёплую ладонь на моё плечо.

— Рано или поздно всё получится. Вы сможете поступить с ним так же, как он поступил с вами, Ваше Высочество. Небо Эсмара справедливо. Богиня всё видит.

Кожу кусает холодная дрожь. Становится не по себе.

— Как он по-твоему поступил со мной? — спрашиваю так, будто просто хочу услышать это от неё. Услышать ещё раз.

— Разбил ваше сердце, — звучит ответ.

Есть что-то зловещее в ответе служанки. Она стоит рядом, и я перевожу взгляд с неё на зеркало. Эта красавица, прин-

цесса, мне видится теперь совсем иначе. Есть что-то надломленное в её облике. И вместе с тем что-то жёсткое.

Меня вмиг захватывает такое тяжёлое чувство гнева и обиды... Одиночества и холода. Глаза тут же будто темнеют, становятся чёрными, словно окна с видом на полярную ночь. Холодный пейзаж места, где так легко умереть...

На губах тут же появляется усмешка.

— Не сдавайтесь, Ваше Высочество, — служанка слегка склоняется ко мне, говоря это. — Опускать руки рано. Драконы живут долго.

О да, звучит это... волнительно.

Но я тут же стараюсь отогнать от себя чувство, которые мне будто бы и не принадлежат. Но разве такое возможно? Виктория ведь умерла...

Впрочем, это неважно сейчас. Я, кстати, тоже умерла. В своём мире. И здесь собираюсь хорошенько провести время! В конце концов, после таких событий нужен как минимум отпуск, разве нет?

Должна ли я заморачиваться и вникать в чувства принцессы? Она просто бывшая Ричарда. А ещё в каком-то смысле она — это я.

Чувство странное и пугающее.

И вот что интересно — если он поступал плохо со своей женой, то где гарантия, что не поступит так со мной?

Истинность?

Не знаю, что это, но если причина этого его взгляда, рас-

паляющего и волнующего, только в какой-то там магии (а иначе пока и быть не может), то не пошёл бы он...

Слава богу, метание моих мыслей прерывает Гарольд с платьем, как он выразился, пастушки.

— Оно почти что нижнее, почти что для сна, Ваше Высочество. Но я подумал, что вам, наверное, захочется отдохнуть в своей комнате. Если...

— Шторы будут закрыты? — усмехаюсь я.

— И двери, — судорожно кивает, кланяясь кутюрье. — То вы можете. До ужина. Я разберусь с вашим нарядом. Мы поразим принца Ричарда!

Я не сдерживаюсь и закатываю глаза.

— Ой, надеюсь, что столь же прекрасный человек, настолько вовлечённый в свою работу, есть и в свите принца Ричарда. Или это тоже вы, Гарольд?

— Что? — он улыбается, безуспешно пытаясь унять дрожащие губы. Мило. — О, спасибо, Ваше Высочество, вы так добры... Но нет, боюсь, у принца есть только предписания короны, но чтобы отдельный кутюрье... вроде бы нет.

— Как же так! Всплёскиваю я руками. Быть того не может! Как же он в таком случае будет поражать меня?

— В-вас? — Гарольд даже на шаг отступает. Со всё ещё вытянутыми руками, протягивая мне платье. — Как это?

— Он должен прилагать столько же усилий, сколько прилагаю я, чтобы понравиться. Разве ты так не думаешь? Мы — муж и жена.

Судя по выражению его лица, ему такое кажется весьма и весьма сомнительным. Но с принцессой Викторией спорить нельзя. К моему счастью.

— Разумеется. Но он ведь мужчина.

Я забираю платье.

— Да-да. Очень надеюсь, что он будет одет, завит и надут по последней моде. Иначе я не сяду с ним за один стол! Всё-таки королевские особы должны быть идеальными, вам так не кажется?

Он хмурится. Затем дрожащим голосом спрашивает:

— Мне... донести это до сведения Его Драконьего Высочества?

— Ты можешь передать это через слуг. Принц ведь приехал не один?

— Конечно, нет, — выдыхает Гарольд. — Я скажу... кому-нибудь.

Он, видимо, боялся, что его испепелят, если он заговорит с принцем лично. Но я бы не устроила бедняге подобную участь. Да и вообще... надеюсь, что принц никак на это не отреагирует. Хотя будет забавно, если феромоны истинности заставят его торчать у зеркала и прихорашиваться до потери пульса.

В конце концов, я переодеваюсь, захватываю с собой Алису и прошу служанку проводить меня до моих же покоев. Ссылаясь на головную боль, из-за которой могу где-нибудь рухнуть.

Я в новом мире где-то час и всё это время света белого не видела. Это надо исправлять! Интересно, как тут всё выглядит? Будет похоже на мой мир, или я увижу что-то совсем необычное и попаду словно в сон? Летающая говорящая клубника, летающие курицы и... да, мне определённо надо перекусить.

Но вообще реальность немного разочаровывает. Замок изнутри безусловно величествен, хоть и выглядит так, будто нуждается в ремонте. Но дело не в этом: всё, что исправить можно, бедой не является. Другое дело, что всё здесь вполне себе можно представить и в моём мире. В другом времени, но всё же...

Кстати, про другое время, интересно, буду ли я скучать по преимуществам своего современного мира? Это предстоит узнать. Пока лишь знаю точно, что по своей внезапно прерванной жизни, по родным и близким, пролью целое ведро слёз. Но не сейчас.

Из-за шока сейчас получается думать только о том, что делать в новом мире. Как влиться и обезопасить себя.

И это к лучшему.

У двери в свои покои, прошу оставить меня одну. Служанка понимающе кивает. Как хорошо, что здесь десятки слуг не преследуют королевских особ везде и повсюду, это бы весьма затрудняло моё попаданческое бытиё...

Как только запираю дверь, Алиса вырывается из рук и принимается парить в центре комнаты, неистово размахивая

страницами.

— Мне пришлось вдыхать это варево! Так долго!

— Не знала, что у тебя есть чем...

— Думаешь, раз я книга, у меня нет чувств? — вскрикивает Алиса.

— Эээ... нет носа. Думала, что нет носа. Извини, если это не так.

Стараясь не засмеяться, осматриваю комнату. Она оказывается просторной и светлой. У дальней стены стоит огромная кровать, накрытая белым покрывалом. Я бы не отказалась подремать на ней прямо сейчас. Но это едва ли будет разумным распоряжением временем. До ужина надо понять хоть что-то.

Шторы задёрнуты, я одета неподобающе для того, чтобы их раскрыть. Потому что да... повсюду папарацци. Они зарисуют меня в некрасивом платье, триста гномов сделают три тысячи копий с помощью бумаги для запекания и всё — пиши пропало. Ричард задохнётся от гнева и я стану вдовой!

— Чего ты улыбаешься? — голос Алисы совсем рядом заставляет вздрогнуть.

— А?

Я всё же решаю слегка отодвинуть шторку и взглянуть на внешний мир. По дороге до комнаты было не до того.

— Представляла себя вдовой... — запоздало отвечаю Алисе.

Она хлопает страницами прямо над моей головой.

— Не слушай Магду! Чувства и цели принцессы Виктории тебя никак не касаются! Твоё дело — любить Ричарда.

— Я принцесса Виктория, — отзываюсь машинально. На миг внутри холодеет, когда понимаю это. Но времени на рефлексии нет, ведь передо мной открывается красивейший вид на... горизонт, где синее-синее море соприкасается с голубым небом.

— И вправду отпуск... А замок что... на скале стоит? Книжка смеётся.

— Ага. Почти. Потом всё увидишь. Внешний мир не должен быть твоим приоритетом.

— Должен быть только нахальный дракон? — я с сожалением задёргиваю шторку и присаживаюсь на кровать. Провожу по вязаному покрывалу пальцами, пытаюсь осознать, что каждая деталь в этой комнате была частью жизни принцессы Виктории. И теперь стала частью моей жизни.

— Да, — Алиса пикирует на тумбочку и распахивает страницы. — Ты здесь для Ричарда.

Я закусываю губу и признаюсь:

— Он мне понравился, конечно... Но слепо следовать какому-то мнимому предназначению я не собираюсь. Посмотрим, что будет дальше.

Книженция фыркает.

— Истинной связи сопротивляться нельзя. Это против всех законов и правил. Ваш союз одобрен на небесах.

— Одобрен? — я падаю на спину с тихим смехом. — Все

печати поставили, все инстанции пройдены? Всё по ГОСТу?

— Вроде того.

— Что-то это звучит не слишком романтично. Ну да ладно... Что мне нужно знать, чтобы не запороть самый первый день? Как понимаю, в покое надолго меня не оставят...

— Наконец-то, принцесса Тори! Неужели сквозь ваши ужимки прорезался деловой подход? Запоминайте...

В общем, следующие два часа я изо всех сил старалась предотвратить взрыв мозга. Всю информацию нужно было запомнить, разложить по полочкам и умело применить. И уже даже с запоминанием у меня возникли проблемы, не говоря обо всём остальном...

— Значит, эта госпожа Элинор — фаворитка короля? А жены у него нет?

— Как нет? Да что такое у вас с головой? Сито, а не голова! — ворчит Алиса. — Я же говорила вам о матери Ричарда. Королева Аквинтия жива и здорова. Вы её сразу узнаете — высокая блондинка со льдистым взглядом и по наряду поймёте, Тори... Как же с вами сложно!

— Неправда. Ты перечислила около двухсот имён, я почти запомнила целую четверть.

— Это ужасный результат!

— Так работает человеческий мозг. В отличие от некоторых мы не впитываем информацию, как... книги. Хотела сказать, как губки, но книги тоже подходят. Правда, я никогда об этом не задумывалась...

— Вы отвлекаетесь! — вскрикивает Алиса.

— Это тоже способность мозга, ничего с этим не поделаешь. И, кстати, то, что я запомнила, забуду очень быстро, если это не применять в повседневной жизни снова и снова. А я очень сомневаюсь, что в ближайшее время у меня спросят про родословную принца...

— Вы не понимаете всю важность! Скоро парад! Вам нужно будет поддерживать диалог с королевской семьёй!

— Спрошу у королевы, почему это она позволяет королю заводить любовниц...

Алиса всплёскивает страницами.

— Я очень надеюсь, что это шутка. У всех королей есть фаворитки. У принцев также они могут быть. Они — мужчины. К тому же драконы. Разве могут обойтись одной? Главное, чтобы всё укладывалось в традиции королевства. Делать всё по правилам. И король в этом безупречен. За всем, что делает его главная фаворитка, следят сотни глаз... Женских глаз. Элинор формирует моду. Считается, что она — идеал для мужчин. И каждая, кто хочет завоевать мужскую любовь, следует веяниям королевского дворца...

Я поднимаюсь с кровати, слегка морщась. Не нравится мне всё это.

— Вот только от того самого дворца любовью веет не особо, раз королеве приходится мириться с фавориткой, как вы выражаетесь, да ещё и такой известной... А Ричард ещё злился из-за чьих-то рисунков!

Я подхожу к зеркалу и вновь принимаюсь себя рассматривать.

— Для женщин и мужчин правила отличаются. Разве в твоём мире иначе?

— Мне хочется верить, что мой мир хотя бы на шаг впереди, Алиса. Не знаю, что было в голове у Виктории, кому там она хотела подрожать, но я буду идеалом для самой себя...

— О, ты можешь, — тянет она. — Это она не могла, а ты — истинная принца Ричарда. Его не будет волновать, какого цвета твои волосы. Теперь не будет. И, конечно, истинные пары хранят верность. Это закон. Так что тебе, Тори, нужно просто расслабиться и выучить уже эти грёбанные названия! Я так давно не общалась с людьми... совсем забыла, какие они бывают... тупые.

Я усмехаюсь.

— Расслабиться нужно тебе, Алиса. Это ведь её резиденция на отшибе, здесь нет всех этих родственников и знаменитых общественных деятелей. И парад не завтра. Я смогу всё запомнить. Но давай сначала ты расскажешь мне больше о самой Виктории, слугах, замке и этом странном браке с драконом.

— А он не странный. Самый обычный. Просто не по любви. Скоро придёт срок пятнадцатилетия со дня свадьбы. А ребёнка Виктория всё ещё не родила... После этого Ричард бы имел право расторгнуть брак и жениться второй раз. Но с тобой всё будет иначе, ты быстро забеременеешь. Может

быть, даже, в ближайшие дни...

Я в ответ смеюсь. Нервно. Тут ещё и как можно скорее забеременеть от него нужно? Нет, я не согласна! Ужас какой...

— Погоди, — только сейчас понимаю, — пятнадцать лет? Во сколько же Виктория вышла замуж?

— Не так рано, как ты думаешь. Она выглядит моложе своих лет. Дело в том, что драконы живут долго и часть этой молодости достаётся и их жёнам.

— То есть жизнь должна быть долгой, а принцесса взяла да умерла от нехватки воздуха?

— Долгая жизнь и молодость — не бессмертие. Хотя аура дракона защищает его семью от многих бед... Но Ричарда уже давно не было рядом с принцессой. Он приезжает только из-за весомых поводов и требований короны. Пока они в браке, всё должно быть идеально в глазах людей.

Я качаю головой.

— Теперь лучше понимаю, что попала на место несчастной женщины...

Книжка отвечает довольно резко:

— Виктория не была несчастной. Она сама делала всё возможное, чтобы испортить жизнь себе и принцу. В итоге её даже сослали в один из самых дальних королевских замков. Конечно, назвав это всё её резиденцией. Здесь она была сама себе хозяйкой. И после развода этот замок достался бы ей, так как она всё ещё оставалась бы частью королевской семьи. Не так уж и плохо.

— А теперь как Ричард объяснит сам себе то, что отношения между ним и его женой переменятся?

— Подумает, что богиня решила скрепить их брак. И несмотря ни на что будет рад, ведь истинная связь достаётся не каждому дракону. Далеко не каждому. В его семье лишь у одного есть истинная пара, и он с неё сдувает пылинки. К тому же Ричард соперничает за трон со своим братом. Наличие истинной пары перевесило бы чашу весов в его сторону.

— И вновь, — произношу с сарказмом, — как романтично! И практично, что главное.

Я бы хотела ещё немного подумать обо всём этом, но тут из стены раздаётся какой-то странный стук. Я иду на звук, останавливаюсь рядом с гобеленом и в растерянности приподнимаю его. Интересно... За гобеленом оказывается дверь. Открыв которую замираю на месте. Страх разливается по телу.

На одной из ступенек, ведущих куда-то вниз, стоит необычной красоты юноша. Бледный, с острыми ушами, длинными чёрными волосами и мерцающими в полутьме фиолетовыми глазами.

Типа... эльф?

Он всматривается в меня со странной жадностью, а потом вдруг выдаёт:

— Ты самозванка.

И отступает во тьму.

Я ошарашенно оборачиваюсь на тут же подлетевшую к по-

толку Алису.

— Чего глазами хлопаешь, — кричит она. — Лови его!
Что ж... куда бы не вёл тайный проход — я иду!

Глава 3. Распущенная прогулка принцессы

Ричард.

 Ричард не может перестать прокручивать в голове последнюю встречу со своей так называемой супругой. Обычно всё совсем не так. Это какая-то новая игра Виктории? Почему же она тогда не зашла дальше? Почему и вовсе не сняла платье, не растрепала волосы, словно крестьянская девка? Словно ведьма в полнолуние...

Хотя зачем? Ричард криво усмехается. У неё ведь и без крайностей вышло навести его на подобные мысли. Конечно, он видел лишь оголённое, молочно-белое, нежное плечико, но воображение быстро дорисовало остальное.

И чтобы Виктория не встречала его во всеоружии? Разве такое было когда-нибудь?

Он правда старается вспомнить, но память не подкидывает никаких вариантов. Обычно супруга встречает его в пышных платьях, исключительно модных в столице, исключительно дорогих. Обычно её волосы убраны в высоченную причёску и выкрашены в оттенки с металлическим блеском. Обычно лицо белое как мел от белил, а взгляд надменный и ядовитый.

Она никогда не давала ему отдохнуть от этого зрелища

после пребывания в королевском дворце. Всегда была лишь копией всех сразу любовниц короля. Копией его любовниц. Потому что все фаворитки копируют Эленор.

Конечно, красивая, красивее многих, но у Ричарда вызывающая лишь отвращение. И то в те редкие моменты, когда ему не всё равно.

Это женитьба — петля на его шее. Но он вовсе не ждёт с нетерпением момента, когда они разойдутся. А произойдёт это очень скоро. Не ждёт, потому что ему тут же навяжут очередную ненужную невесту. А кто это будет, решит политическая повестка.

Будет ли она хотя бы кроткой? Хотя бы достаточно умной, чтобы следовать правилам?

Тут не угадаешь...

До развода несколько недель, и Ричард ловит себя на мысли, что и сам не понимает свои чувства по этому поводу. Особенно теперь, когда увидел Викторию... такой.

Сегодня жена не была холодной куклой. Она... изменилась.

Вела себя так, будто действительно не ждала его и не понимала, о чём он говорит. Смешно! Разве не сама же подстроила всю эту аферу, чтобы в очередной раз поставить на уши королевский двор? Чтобы принизить его. В глазах семьи, в глазах людей.

Виктория на редкость глупа. Она не понимает, что ходит по краю. Что уже несколько раз могла попрощаться с жиз-

нюю. Принцесса должна быть тихой и послушной, и если она не вписывается в эти рамки, корона знает, как заставить её замолчать. Замолчать навсегда.

Этого не произошло только потому, что он не позволил.

И в благодарность она продолжает, продолжает и продолжает ковырять его фундамент алюминиевой ложкой. Вроде и бесполезно, но только не в том случае, когда это делается на протяжении стольких лет...

Но что же она задумала теперь? Что она сделала с собой?

Ричард смотрел в её красивые, большие глаза и не узнавал её. Где же тот холод, что сначала умудрялся обжигать, а затем вызывал лишь насмешку? Где упрямо поджатые губы и безумные выпады? Хотя последние всё же были...

Чего только стоит её смех. Ричард понимал, что она смеётся над ним. Что издевается, притворяется, изворотливая, как змея... Но он стоял, смотрел на неё и думал — как же это красиво.

Чертовски красиво.

А ещё в её взгляде было настоящее пламя. В ней, в каждом слове, в каждом жесте, чувствовалась жизнь. На миг она даже восхитила его. Только вот чем конкретно он бы не смог описать. И это ещё ладно, но почему он не может перестать об этом думать, почему не может перестать перебирать воспоминания... Что надеется там найти?

Ответ на вопрос, каким образом это женщина, с видом совершенно неподобающим её статусу, сумела вызвать в нём

такую волну чувств? Сумела возбудить настолько...

А он ведь не настолько голоден и глуп, чтобы желать собственную супругу.

И если бы кто-то сказал ему ещё вчера, что он будет прилагать огромные усилия, чтобы остановиться, перестать касаться, перестать вдыхать её запах, перестать чувствовать губами её тепло... он бы рассмеялся ему в лицо!

Виктория — последняя, к кому он бы пришёл за тем, чтобы позволить себе распалиться, расслабиться и дать волю огню.

Потерять контроль...

— Чёрт... — он понимает, что вновь и вновь возвращается мыслями к ней, к её тёплому, нежному телу, её взгляду, её улыбке... и ничего не может с собой поделать.

По красивому, загорелому лицу Ричарда скользит тень.

Слишком подозрительно. И как он сразу об этом не подумал?

Виктория умудрилась околдовать его.

Околдовать дракона.

Но что это должна быть за магия, чтобы он ничего не заметил в первое же мгновение? С чем на этот раз связалась Виктория? И самое главное — ради чего? Ведь она его ненавидит. И есть за что... А тут ближе к разводу решила влюбить в себя?

Интересно.

Ричард запускает пальцы в волосы, обдумывая это.

Не дай небо зайти принцессе слишком далеко. Иначе ему придётся наблюдать, как её казнят. Приятного в этом мало. Он должен разобраться во всём сам. Без вмешательства короны.

Это против правил. Но и думать о ней вот так после одного лишь небольшого эпизода — против правил.

Надо же, высмеяла его за мешок с рисунками так, словно он последний идиот...

— Ваше Высочество, — в дверь стучат, дракон мрачнеет. Словно его отвлекли от чего-то важного и интимного.

— Что такое?

Голос одного из его ближайших слуг доносится из-за двери.

— Принцесса Виктория передала вам, что... — в его речь закрадывается смешок, и Ричард уже спустя несколько мгновений понимает его причину и выгибает бровь, — ждёт от вас серьёзной подготовки к ужину. Цитирую: «надушиться, одеться по последней моде, побриться, выкрасить волосы в более модный цвет, сделать причёску, начистить ботинки...».

Принц Ричард рывком поднимается с кресла и распахивает дверь.

— Принцесса Виктория... что? — ухмыляется он.

Парень в форме с цветами королевского герба — золотым, белым и тёмно-синим — и рыжими волосами не сдерживает усмешку. Едва заметно. И вполне понятно почему

— недавно на охоте принц был с ним весьма фриволен и великодушно объяснял, как правильно ставить капкан. Но там обстановка другая. Здесь же слуги не должны позволять себе эмоций, не должны давать оценку приказам. Ричарду это не нравится.

Парень собирается повторить всё, читая с бумажки, но дракон забирает её из его рук и сам пробегается глазами по ровным строкам.

— Она сказала это лично?

— Нет, через своего слугу. А тот тоже через слугу. Полагаю, они боятся вас, Ваше Высочество.

Парень лучезарно улыбается, и дракон, не выдержав, за-тягивает его в комнату и захлопывает дверь.

— Ты так считаешь, Бран?

Парень ословело смотрит на него и точно так же кивает. Ричард припирает его к стене.

— А разве ты должен что-либо считать, Бран? Разве у тебя есть право?

— Нет, — голос парня дрожит. — П-простите, Ваше Высочество.

Ричард отходит от него с таким видом, словно в один миг потерял интерес.

— Ты будешь наказан, — как бы между делом бросает он. Конечно, ещё даже не придумав наказание. Но что-то точно нужно, чтобы парень не забывался и не нарвался на неприятности. — Перекраситься, значит... — тянет задумчиво,

вглядываясь в список так, словно действительно думает всё это выполнять.

Виктория никогда раньше не шутила так с ним.

А это даже... забавно.

Он отворачивается к окну, чтобы спрятать от мальчишки улыбку. А то ещё подумает, что он улыбается в предвкушении смачного наказания, испугается и помрёт. Люди очень хрупкие в представлении дракона.

А Виктория человек.

Впервые, наверное, за всё это время он вдруг по-особому задумывается об этом. Это начинает его волновать. Такая хрупкая. Слишком хрупкая. С ней может случиться что угодно и когда угодно.

От этого ему становится не по себе. Хочется увидеть её. Будто чтобы убедиться, что с ней всё правда в порядке. Что его... его жена хорошо себя чувствует.

В груди разливается тепло.

Он совершенно спятил. Это, наверное, тоже часть колдовства. Ричард обязательно разберётся с этим. Но сначала увидит её.

— Слуги могли неверно передать предпочтение принцессы Виктории, — бросает он. — Нужно переговорить с ней об этом, кхм, лично... А ты... отправляйся-ка и начисть мою обувь.

— Какую, Ваше Высочество?

Ричард ухмыляется:

— Всю. Выберу из красивой и блестящей ближе к вечеру.

Бран судорожно сглатывает и кивает. Он хорошо знает, что в каждом королевском замке хранится большая коллекция одежды и обуви по размеру каждого из главных членов королевской семьи. Она, наверное, слегка запылилась... Разве он сможет управиться до вечера?

Слуги и след простывает, ведь нельзя терять ни минуты.

А Ричард с полуулыбкой на лице подходит к двери, что ведёт в покои принцессы. Он уже заносит руку для того, чтобы постучать. Как будто будет уместно это сделать, хотя он и не обязан... Но вдруг останавливает себя. Один из наследников короны... великий дракон... как он может так просто поддаваться чужим чарам? Да ещё и зная о них... Что если каждый вздох по принцессе Виктории убивает его?

Его желание увидеть её настолько сильное, что самое худшее, что только возможно сделать — это поддаться ему.

К тому же, Ричард думает не только о своей безопасности.

Но и о том, что может сорваться в её присутствии. Не сможет вовремя отпустить. Не сможет успокоить свою куда менее рассудительную ипостась.

Виктория, дурочка, играет с огнём...

Но он не хочет причинять ей боль. Этого не хочет. Просто хочет. Увидеть. Но лучше этого не делать. С трудом дракон разворачивается и возвращается в свои покои.

Чтобы остановиться у зеркала и начать придирчиво себя разглядывать. Ей действительно не нравится его причёска?

Он всматривается в собственное отражение долгие минуты, хотя раньше лишь лениво мазал взглядом, будучи слишком уверенным в себе, чтобы обращать на внешность особое внимание.

Ему никогда не хотелось так сильно кому-то понравиться...

И эта мысль отрезвляет.

— Ведьма, — бросает Ричард, мрачно глядя на себя, будто во всём виноват двойник в зеркале.

От него он спустя минуту отходит как можно дальше. К окну. И какого же его удивление, когда он видит мелькающую внизу принцессу. В чём-то, что напоминает нижнее платье да ещё и с распущенными волосами.

Тоня.

Спрыгиваю с последней ступеньки и недоумённо пялюсь на арку, сияющую тёмно-фиолетовым светом. Каменная, оплётённая жёлтыми цветами, похожая на...

— Портал?

Алиса хлопает над головой страницами.

— Он туда шмыгнул, зараза... Эти эльфы, как тараканы, сколько ни выводи, всё равно то там, то тут... А если приглядываться, так вообще. А принцесса Виктория их ещё тащила в замок!

Я усмехаюсь и, приняв эту тираду за согласие, делаю шаг в арку. Позади книженция вскрикивает так, словно её кто-то поджёг, а она была уверена, что рукописи не горят.

Что ж не так?

А... ясно, что. Под ногами я лишь на миг чувствую что-то твёрдое. Замечаю себя на булыжнике, зависшем в воздухе, тут же теряю равновесие и падаю... Я падаю, а камень нет, хотя сама падаю камнем.

Ну, всё! Снова. Принцесса умерла от корсета хотя бы, а я второй раз превращусь во что-то совершенно неаппетитное. Зато Ричард, наверное, будет очень рад...

Но вообще, конечно, нет. Насколько я тогда в своём мире была уверена, что это всё, полное «приехали», настолько же сейчас я верю в своё спасение.

Пролетая мимо замка, понимаю, что он точно так же, как тот камень, завис в воздухе. Между морем со скалами и зелёным склоном, что раскинулся словно ковровая дорожка к густому хвойному лесу...

Так и лечу, словно Алиса, хотя моей Алисы тут и в помине нет, видно, спасение идиотов, лезущих во все щели, не входит в пакет услуг.

Всё тело вздрагивает уже у острой синеватой травы, которой я через миг касаюсь кончиком носа. На несколько мгновений зависаю в воздухе и, наконец, падаю окончательно. И вместо переломов всего, что только возможно переломать, лишь ударюсь плечом и переносицей.

— Ай...

Приподнимаюсь и замечаю в нескольких шагах от меня взъерошенного эльфа с вытянутой ко мне рукой и растопы-

ренными длинными пальцами, от которых исходит красноватый то ли дымок, то ли свет.

— Ты спас меня?

Он усмехается мрачно и тянет:

— Ты даже не умеешь пользоваться порталом?

Ну, кнопок как в лифте там точно не было. Отряхиваюсь и собираюсь подойти к нему, но эльф только отдаляется.

— Там на лестнице... что ты сказал? — не зная, как начать этот разговор, я использую старый приём — делаю вид, что ничего не услышала и переспрашиваю. В моём мире все хотя бы раз так делали.

Взгляд эльфа красноречиво говорит о том, что он теряет терпение.

Наверное. Или может, он вообще в туалет хочет, и за этим убежал, а тут я со своими взлётами и падениями. Ну, в основном, конечно, падениями.

— Я сказал, что ты не принцесса Виктория! Её больше нет! — это он почти что выкрикивает. И я даже оглядываюсь по сторонам. Странно, кстати, что тут никого нет, кроме нас. Странно, но хорошо.

— И что же, — смиряю эльфа взглядом, — будем с этим делать?

Эльф вскидывает острый подбородок, сверля меня будто бы придиричивым взглядом необыкновенных глаз. Я в свою очередь тоже его рассматриваю. Высокий, стройный, разумеется, и очень красивый. Но той красотой, с которой обыч-

но соперничают женщины, а не мужчины — в нём слишком много чего-то неуловимо тонкого и нежного. Правда, что-то мне подсказывает, что внешность обманчива. И в любом случае сей молодой муж точно не в моём вкусе.

А вот во вкусе Виктории ли — вопрос.

— Эй, а ты не тот фамильяр... тьфу, фаворит, который продал её... в смысле... интимные... рисунки? — боже, это даже звучит смешно.

А что будет, когда в этом мире фотоаппараты изобретут? Даже представить страшно... Может быть, моя миссия тут — противостояние прогрессу? Ну, потому что если кто-то ждёт, что я здесь буду строить электростанцию, то увы и ах. Я в своём собственном павильоне в торговом центре шмотки турецкие продавала. А моим главным увлечением были сериальчики и посиделки с подругами. Жила себе и горе не знала, будучи посредственностью средней руки. Ну, пока не стала ненужной женой дракона.

— Продал? Интимные? — эльф выгибает бровь и прямо-таки пронзает меня взглядом. — Недавно я недосчитался одного наброска, — произносит мрачно, — кто-то пробрался в мою спальню...

— Хм. Значит, ты помнишь каждую свою мазню, перебираешь её вечерами, любишься формами своей госпожи? Потрясающая дотошность! Мне даже нравится.

Хотя, если всё так, то это весьма и весьма жутковато.

Эльф и ухом не ведёт (ну вы поняли, здесь должна быть

шутка про его длинные заострённые, но всё же красивые эхолокаторы). Он продолжает угрюмую речь:

— Я, разумеется, выяснил, кто был в моей спальне. Это была принцесса Виктория. Она взяла набросок, чтобы распространить его по стране и вызвать недовольство принца Ричарда.

Я открываю рот, но в ту же минуту его закрываю. Принцесса, значит, своими белыми ручками устроила мне сегодняшнюю сцену? С этим мешком недоногодных подарков! Неужели так хотела позлить своего мужа?

Не совсем понимаю её... то она подстраивается по фавориток, что я, вообще-то, не одобряю, то устраивает какие-то мелкие или не очень пакости.

На миг становится жаль её. Она этот план выдумывала, старалась, а гнев её благоверного увидела я. И какой это был красивый гнев!

Бедняжка не дожила до него каких-то полчаса!

— Ладно, — прогоняю собственные мысли и вновь возвращаю всё своё внимание эльфу, — как ты понял, что я — не она?

Может, конечно, стоило бы поломать комедию, но что-то мне подсказывает, что это совершенно бесполезно. А время терять нельзя.

— Мой народ видит больше, чем кто-либо ещё. И к тому же мы связаны.

Он показывает мне золотистую татуировку на своём за-

пьястье.

— Эти древние узы не позволяют вмешаться драконам в наш союз.

— Узы? — ошалеваю я. — Союз? Только не говори, что ты тоже мой муж! Я уже сегодня предупреждала, что два — это слишком много для меня.

Он хмурится. Что поделать — вообще чувства юмора нет. Может моя миссия здесь — научить эльфов смеяться?

Звучит гораздо лучше, чем то, что я здесь только ради Ричарда, его престолонаследования и крылатых детишек...

— Ты не принадлежишь мне, — чеканит он, — но я принадлежу тебе.

— Как слуга?

Он отвечает... морганием. Стоит, прямой как палка, не шелохается, даже будто не дышит, словно это всё ниже его достоинства. И лишь снизошёл до того, чтобы медленно склонить свои густые чёрные ресницы. Вглядывайся в него теперь, чтобы что-то понять!

— А ты вообще ко мне обращаешься? — делаю шаг к нему и провожу ладонью по воздуху.

— В каком это смысле?

— Если это ты мне сказал про связь, если она до сих пор есть, значит, для тебя ничего не изменилось? А чего убегал тогда?

— Я не убегал, — произносит степенно. — Я уходил подумать...

Нет, правда, с таким видом это произносит, с такой гордостью, что я не выдерживаю и складываюсь пополам, смеясь от всей души.

— В общем... мне нужно, чтобы ты держал своё маленькое открытие втайне, понимаешь? Я — принцесса Виктория. И точка.

Его лицо не меняет выражение. Он — сам себе оплот стабильности.

— Не понимаю.

— Ну... — вздыхаю я. — Никому не говори о том, что что-то случилось. Принцесса умерла, я попала на её место, но не волнуйся, всё легально. Так хотят боги. Они это... одобрили.

Он вскидывает бровь.

— Ты слышишь глас божественный, не так ли?

Не так ли? Не так! Но я конечно же активно соглашаюсь — прямо-таки всеми руками и ногами.

— Да, и они передавали мне, что ты должен молчать. Делать и говорить всё в точности так же, как если бы ничего не изменилось.

Сквозь его маску какого-то гордого тугодумия вдруг проскальзывает острая усмешка.

— Но, — произносит он, — эльфы не умеют лгать.

А вот это... очень неудобно. Как и... жуткое «бум-бум-бум» где-то сверху и тень, вмиг коснувшаяся нас обоих.

Я поднимаю голову. И да, лучше бы я этого в принципе

не делала. Потому что от увиденного меня бросает в дрожь. Ноги подкашиваются, и я падаю в траву, благо хоть сознание не теряю. Не помню, падала ли я хоть раз за последние пять лет жизни в своём мире, разве что на голом льду, но там ведь и не рассекают воздух со свистом огромные красные драконы...

В моём случае один. Огромный. Красный. Дракон.

А звук будто барабанного боя это, кажется, биение его сердца.

Будто чтобы убить меня одним своим видом, эта тварь нарезает несколько кругов вокруг замка и только после этого ритуала пикирует вниз. Прямо на нас.

Меня придавливает к земле какой-то странной силой.

Парализует, хотя при наличии выбора между замри-бей-беги я бы всё-таки склонилась в пользу последнего.

Рыкнув — такое чувство, будто это ругательство — тварь у земли обернулась... разъярённым, включенным, широкоплечим... Ричардом.

Мне прям стукнуть его захотелось. Что за представление? Ещё бы пометил территорию сверху!

Боже... я и вправду это видела.

И вряд ли в этом их Эсмаре есть психологи.

Ричард прожигает меня убийственным взглядом, а я с удивлением слышу будто со стороны свой вопрос, произнесённый с возбуждением и явным недовольством:

— Почему ты не голый?

Дракон останавливает-

ся довольно близко, чтобы за один присест прибить эльфа, ну и меня заодно. Куда же без меня? Ричард теперь кажется мне ещё красивее. Солнечный свет ему даже идёт. Или это новая укладка?

— У тебя... — кручу пальцем над головой, — локоны рас-трепались.

Он сужает глаза, в них концентрированная злость. Я улавливаю, как едва заметно у дракона дёргается рука. Словно он всё же собрался запустить пальцы в свою ненаглядную шевелюру. И тут словно принцип домино: это вызывает во мне усмешку, в нём агрессию, а в эльфе смутное желание высказаться.

Я вспоминаю, что он обронил про своё неумение врать. Ох, точно. Значит, моя миссия научить этот народ именно этому — какое облегчение! Но сначала надо просто его заткнуть.

Причём, и эльф, и дракон явно собираются выдать тираду. Но подбрасывает меня к первому. Я закрываю ему рот ладонью, прижимаясь к нему всем телом. Ну, чтобы это органичнее выглядело. Просто так решила помякать фаворита, приобнять, вдохнуть его запах, ну и заткнуть ему рот! А вот потому что!

На несколько мгновений Ричард кажется мне ошарашенным.

— Что, — цедит он, — здесь происходит?

— Прогулка, — улыбаюсь я. — Очень полезно, знаешь

ли, слегка размять конечности... Тем более, перед ужином.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю и, может быть, соизволишь отойти от него?

Помнится, я говорила про убийственные, прожигающие едва ли не до дыр взгляды Ричарда... Так вот, нет, в мою сторону это были ещё сущие цветочки! Настоящий гнев запечатан и направлен в сторону бедного эльфа.

А его, между прочим, нельзя обижать, он и без того какой-то смурной.

— Зачем? У нас тут свои игры... И ты нам мешаешь, дорогой.

Ричард вновь выпускает когти. Буквально. Эдакий котик. Вот только котик ли? Ведь вместо того, чтобы выгибать спину и шипеть в уголочке, как мой питомец, он подходит, отдирает от меня эльфа, встряхивает его, словно коврик для ног, и, щёлкнув пальцами, открывает ярко-красный, словно сотканный из гнева, портал.

Прежде чем эльф летит туда, я ловлю его острый, внимательный взгляд.

Собирался ли он что-то сказать обо мне? Где он теперь? И как мне с ним сладить?

Мне показалось, или о драконах ушастый не самого лучшего мнения?

Обо всём этом подумать мне не даёт мой... муж. Мама, я замужем!

Что-то такое насмешливое и удивлённое, должно быть,

мелькает в моих глазах, потому что дракон, нависнув надо мной, несколько мгновений вглядывается в них. С таким видом, будто по меньшей мере хочет найти в них новую галактику. И назвать в свою честь. Ну... или в мою. Затем поправляет прядь волос, выбившуюся на лоб (мою прядь волос, естественно) и вздыхает.

— Виктория, не стоит лезть из кожи вон, чтобы довести меня до иступления. Мне достаточно лишь посмотреть на тебя, чтобы достигнуть нужного состояния.

Я картинно надуваю губы.

— Что, так не нравлюсь тебе?

Он остро усмехается. В глазах пляшет пламя.

Синее пламя.

— Действительно хочешь знать ответ на свой вопрос?

О как. Вы только посмотрите на него! Это истинность не работает, или он прибрёхивает? У меня лично от него мурашки по коже и дух захватывает. Красивый, зараза.

Хотя дело не только в нём, дело в том, какое внимание он мне даёт.

Мне не восемнадцать лет, чтобы гадать, нравлюсь мужчине или нет.

Этому нахалу — господи, он мой муж, не могу от этого отойти и всё! — я определённо нравлюсь. Именно такой, какая я есть. Здесь и сейчас.

— Нижнее платье, ты практически голая, — чеканит он. — Это уместно лишь в одном месте — твоей спальне. Даже

не в моей, Виктория. А ты выходишь в таком месте на улицу. Что с твоими волосами? Почему они распущены? И где этот твой... макияж?

Я закатываю глаза.

— Я предпочитаю естественный вид. И да, Ричард, мир не крутится вокруг тебя. Вообще.

— В каком смысле?

— Ты же сам всё видел. Я говорила с эльфом, а не с тобой. Его передёргивает.

— Эта раса давно должна была сгинуть, именно благодаря таким, как ты корона никак не может их вывести... А ещё, мне показалось, или ты не говорила с ним, а затыкала ему пасть? Единственное разумное решение за долгое время, моя принцесса.

Это его «моя принцесса» прозвучало с таким придыханием, таким голосом, что я едва не позволила себе пошатнуться в его сторону. Прямо в его объятия. Тёплые, наверное, даже горячие.

И в них наверняка можно утонуть.

Так что не стоит, хватит с меня смертей на сегодня!

Он смотрит на меня так, словно ждёт, что сейчас я предложу что-то интимное. Или сделаю. Или соглашусь, потому что он начнёт первым.

Это витает в воздухе.

И здесь явно должен быть штамп «ПРОСПОНСИРОВАНО ИСТИННОСТЬЮ».

Я отхожу на шаг, спрятав руки за спину и улыбаясь, словно маленькая игривая девочка. Девочка, которая не понимает намёков.

— Да не ревнуй, Ричард. Я могу и тебе рот заткнуть. Люблю иногда подоминировать...

— Что? — тон у него резкий и холодный, будто бы досадливый, будто бы разочарованный. Забавно.

— Заткнуть рот, — повторяю я. — Вот так.

И, поддавшись какому-то дурному веселью, какому-то легкомысленному порыву, возвращаясь на позицию почти-слишком-близко-к-дракону и закрываю его красивой рот ладошкой.

На этот раз Его Высочество выгибает сразу две брови.

И хоть убей, даже не видя губ, легче не становятся, ведь пламя в его глазах даже красноречивее и согревает моё тело оно даже слишком сильно...

Как и язык дракона, что с обжигающей нежностью касается моей ладони.

Так, если я продолжу держать руку у его лица, то всё это превратится в какую-то эротическую игру, что недопустимо! Пока что...

Поэтому отпрянываю от дракона, словно от огня.

Но он, разумеется, в ответ лишь наступает.

Я отпрыгиваю на два шага, Ричард перемахивает их за один свой шаг. Степенный, вальяжный, безупречный, желающий... меня. Маленькую беззащитную попаданку!

— Что происходит? — думаю, надо осведомиться. Потому что если это такие брачные игры, то я заранее хочу проиграть к чёртовой бабушке. Или правильнее будет сказать — выиграть?

— Я хочу вернуть тебя туда, где ты должна находиться сейчас. В таком виде.

— Да, я не против, — а сама отступаю всё с большей прытью, потому что что-то мне подсказывает, что до комнаты провожают всё-таки с другим выражением лица.

Ещё и до сих пор приятно ощущается касание его языка. Должно быть мерзко, влажно, наверное, но линия на ладони будто бы горит. Приятно горит.

— Мне кажется, принц, вы слишком разгорячились...

— Правда, принцесса?

— Агась...

На миг оборачиваюсь, но так и не успеваю сообразить, куда лучше бежать. Дракон совсем близко, он едва ли не касается меня. Так что я просто отклоняюсь в сторону и даю дёру из всех сил. Пробегаю под замком и останавливаюсь уже у обрыва. Внизу волны шумят и точат скалы. Красиво.

Хотя и до того видок открывался ничего такой.

Оборачиваюсь.

Всё это время дракон стоял на месте и смотрел мне вслед.

Ну, до того момента, как я в очередной раз моргнула. Тогда он оказался совсем рядом. Настолько, что я, отступив на шаг, едва не свалилась кормить рыб.

В мыслях в этот миг насмешкой над собой звучит: «А, может, в этом-то точно моя миссия?».

Но нет, потому что дракон хватается меня за ворот платья и... нет, не притягивает к себе, например. Не оттягивает в сторону подальше от опасной зоны. Он просто продолжает держать. Бросив мимолётный, но горящий желанием взгляд пониже моих ключиц...

И тут мне становится по-настоящему страшно.

Я так его достала, что он решил избавиться от меня?

Что такое яростное и страшное танцует в его глазах?

— Ты изменилась, — чеканит он. — Почему?

В этот миг бы сказать что-нибудь нейтральное, чтобы точно его не разозлить, но я мадам импульсивная, так что выходит то, что выходит.

— Так развод же. И девичья фамилия.

— Что?

В последнее время он так часто это повторяет, мой дурачок...

— Скоро, принц, мы с тобой разойдёмся, как в море корабли. Я стану свободной женщиной наконец-то! Вот и весь ответ. Это очень меня вдохновляет, знаешь ли...

Если бы я была на месте Виктории, это было бы чистой правдой. Мечь, страдания, подковёрные интриги — это всё не моё. Вот тихо-мирно готовиться к разводу, подбирать наряды, устраивать чаепития в гордом одиночестве и налаживать хозяйство в замке, предвкушая отсутствие в нём всяких

нахалов — это да, это заверните в двойном размере.

Но принц явно... оскорбляется?

Лицо Ричарда будто темнеет.

А я не понимаю — чего он ожидал? Что Виктория будет пытаться его удержать? Да боже мой! Теперь-то точно нет. Особенно, если он продолжит... вот это вот всё.

Дракон, рыкнув, притягивает меня к себе, запускает пальцы в волосы и... едва ли не касается моих губ своими. Сердце ёкает. Как бы ни брыкалась, а тянет к нему в иную минуту так сильно, что и сопротивляться страшно.

Но я всё-таки попробую.

Делаю вид, что сама собираюсь его поцеловать, но вместо этого лишь провожу языком по скуле и, куснув, воспользовавшись моментом неожиданности, вырываюсь.

Правда, мне казалось, что в сторону замка.

Но, видно, Ричард слишком вскружил мне голову, потому что отступила я к морю. В пропасть. И да, уже камнем лечу вниз.

Правда, не так долго, как это ощущалось раньше.

Я чувствую лишь несколько ударов сердца, один лишь вздох, прежде чем оказываюсь на спине красного дракона.

Он пролетает прямо над морем, едва касаясь воды, и я чувствую кожей прохладные брызги.

И смеюсь от восторга до колик в животе.

Но Ричард долго меня не радует, уже в следующее мгновение впереди показывается очередной портал, намного боль-

ше всех, что я видела раньше. Он влетает в него, и я оказываюсь в своей комнате.

Одна.

С привкусом морской соли на губах.

И ещё не сошедшим с них желанием поцелуя.

Глава 4. Ужин при свечах

— Никогда! — кружит вокруг меня Алиса. — Никогда больше так не делай! Ты меня слышишь? Если у меня снова погибнет попаданка, то... — книжка обрывает себя, а я в ответ лишь усмехаюсь. Ситуация страшная, возможно, я тут не одна такая безалаберная. Но сейчас я слишком впечатлена всем, что произошло, чтобы лезть к ней в душу. В страницы?

Падаю спиной на мягкую перину и с улыбкой ей рассказываю:

— Этот замок висит в воздухе... Это так красиво, странно, что рядом не было толпы туристов. Ну, зевак по-вашему...

— Я знаю, кто такие туристы! А ты не должна больше лезть в непроверенные порталы! Придётся тебе объяснить ещё и как ими пользоваться. А это база!

— Раз база, то почему «придётся»? — прикрываю веки и сладко зеваю. — Я летала на драконе... На огромной красной махине. И всё равно чувствовала как бы, что там Ричард... Не знаю, как это объяснить. А ещё...

По лицу растекается тёплая, нежная улыбка. Прокручивая в голове наш с мужем дурацкий разговор, чувствую в том месте, где был его горячий язык, сладкую, поднывающую пульсацию. Подношу ладонь к лицу и едва ли не вскрикиваю.

Накатившее на меня блаженство тут же откатывается туда, откуда прикатило. Ведь на коже подсвечивается маленькими золотыми и красными лучиками какая-то странная вязь непонятных мне символов.

— Это ещё что такое?

Книжка хлопается рядом и жестом страницы просит поднести руку к ней ближе.

— Он что тебя в ладонь поцеловал что ли? Что вы там делали вообще?

Почему-то краснею. Это всё явно особенности этого тела. Точно...

— Не поцеловал, с чего бы это? — передёргиваю я плечом. — Просто лизнул.

— Просто что?

— Лизнул. Он так уже делал. При нашей первой встрече. Даже укусить пытался... животное.

Алиса вздыхает.

— Это метка истинности. Она обычно проявляется после первого поцелуя. Выглядит как татуировка на губах в первые дни, потом уходит как бы под кожу. Это — подтверждение для всех остальных, что вы — истинная пара. Но чтобы он лизнул, и оно осталось... К тому же ты должна была, хм, лизать его в ответ. Ты же этого не делала?

— Конечно же, нет! — отвечаю я, полностью уверенная в своей правоте, пока не договариваю фразу до конца. Тут-то и колет сердце холодным страхом. — Постой... лизала всё-

таки.

Алиса вспархивает и спрашивает вдруг каким-то напряжённым шёпотом:

— Где?

Ричард, мрачный, расхаживает из стороны в сторону в своих покоях, заломив руки за спину. Он перебирает в голове все способы очаровать мужчину с помощью магии. Их великое множество, но если мужчина — дракон, пересчитать всё можно по когтям на одной руке.

Вот только Ричард не просто дракон, он член королевской семьи, наследный (возможно) принц.

Это весьма и весьма усложняет ситуацию.

К тому же, если Виктория действительно сотворила что-то из запрещённого списка, сможет ли он её выгородить? И самый главный вопрос — зачем?

Раньше он полагал, что всё терпение к ней прорастает в его теле корнями вины. Он действительно сломал её и подтолкнул к тому, что есть сейчас. Точнее, к тому, какой она была.

Но теперь всё изменилось.

И он не может перестать думать о ней. О том, как хотелось коснуться губами губ, прижать к себе и...

Ричард касается места, в которое она смешливо лизнула его, как будто отомстив за то, что он нарушил её границы. Или... что это вообще было? Скула пульсирует, её будто по-

сыпали пылью пурпурных фэйри.

Теперь он физически чувствует на себе колдовство ведьмы, которую до сих пор приходится звать женой.

И до сих пор ничего с этим не делает.

Ричард подходит к зеркалу и замирает.

На древнем языке. Прямо в том месте, куда глупышка лизнула его. Светится и поблёскивает, манит разглядывать себя. Вязь на древнем языке.

Он не знает, что там написано.

Но понимает — глаза отливают рубиновым блеском — это метка истинности.

— Какой же ты... дурак.

— Неудобно, конечно... — ворчит Алиса. — В губы не могли что ли, как все нормальные люди? Ну хотя... Она всплёскивает страницами, делает несколько кругов под потолком и падает обложкой на кровать. Я почему-то представляю её девушкой, раскинувшей руки в стороны и с сосредоточенным лицом что-то прикидывающей. — Это ничего! Ты же будешь народу махать на параде, они смогут посмотреть на твою метку. Это ещё не самый худший вариант...

Я не знаю, что конкретно она имеет в виду, но моё предложение не слишком приличное. Я его не проговариваю, но смеюсь.

— Смутьянка! Что ты развеселилась так? Теперь и Ричард поймёт, что ты его истинная. Так что готовься к его вниманию. Ужин скоро. Ты должна там держаться, как подобает...

— Узнает? — да, я что-то не успела подумать, что он точно так же, как моя помощница, быстро сделает выводы. Может быть, даже уже сделал.

Не уверена, что мне это нравится. А вот что нравилось, так это его забавная, милая даже растерянность на мужественном лице. Он сопоставлял свои прежние и нынешние чувства ко мне и ни черта не мог понять.

А теперь, наверное, будет приставать ещё...

Это, конечно, соблазнительно, но он всё ещё незнакомый мужик в незнакомом мире, так что спасибо, но нет. Такое мне не подходит.

— Что сморщилась, как сухофрукт, Тори? — издевается Алиса. — Помни про супружеский долг!

Я усмехаюсь.

— Не помню, чтобы выходила за него замуж, будучи Тоней. Так что никому ничего не должна. Скажи лучше, куда мог отправить дракон эльфа? — фыркаю от того, насколько абсурдно это звучит. — Ну, он его в портал, кажется, закинул. Как котёнка за шкирку.

— Да куда-нибудь подальше. Эльф и сам мастак перемещаться с помощью магии, переживёт. Вот только... жаль, что ты не успела.

— Не успела что?

— Прибить его! Что же ещё?

В этот миг я вздрагиваю, потому что за гобеленом снова раздаётся стук.

— Войдите, — произношу, нахмурившись.

Черноволосый эльф появляется в комнате словно в ответ на слова Алисы. Я очень надеюсь, что она пошутила. Знаю, путь попаданок и должен быть тернист, но головы рубить я не планировала.

— Какие планы на жизнь у самозванки? — с ходу начинает он.

— Быть принцессой, — отзывается книга настороженно.

Эльф, словно это как-то его касается, начинает ходить из стороны в сторону, сцепив руки в замок на груди.

— У неё не получится. Люди поймут, что она самозванка.

— И это плохо? — выгибаю я бровь. — В смысле... у вас тут ведь знают про попаданок!

— Тех, кто в своём теле, почитают, — кивает эльф. — Но ты заняла место принцессы Виктории. Это не наглядно. А люди любят глазами. Откуда им знать, что ты не какая-то тёмная тварь, желающая уничтожить власть короны? Может быть ты — подменыш со злостными намерениями?

— И что ты её пугаешь? — по голосу Алиса теперь сама будто бы морщится. Это странно звучит, но как-то так.

— Я не пугаю. Ты должна понимать, что чтобы вести себя, как Виктория, нужно иметь память Виктории.

— Это исключено!

Я встаю и поднимаю руки вверх.

— Эй! Вы мне хоть что-нибудь собираетесь объяснять?

— Думаешь, у нас есть время на это? — шуруется эльф.

— Ты хочешь, чтобы я отдал тебе воспоминания Виктории или нет? Ты будешь знать больше о нашем мире, правилах в королевской семье и принце Ричарде. Да или нет?

Я запускаю пальцы в волосы. Говорила же — после смерти всё только начинается. Вот, меня уже убеждают, что я должна получить воспоминания опальной принцессы. Но чего ради? И что у эльфа всё-таки было с Викторией? Остроухий симпатичный, конечно, и разбиться мне не дал, но я ему не доверяю.

— Санлайт закрывается, не так ли? — улыбаюсь, разглядывая его нетерпеливое выражение красивого, бледного лица.

— Санлайт? — отзывается он с таким видом, словно где-то в его памяти есть определение этого слова. Но едва ли. Не только мне тут придётся напрягать мозги. Тем более что, по всей видимости, не только мне нужна жизнь здесь. У Алисы есть задание от высших сил — ладно. Но какая цель у этого...

— Как тебя зовут, кстати?

— Если пойдёшь со мной на сделку, узнаешь всё. Я не понимаю, самозванка, к чему эти раздумья?

Я поднимаюсь с кровати, потягиваюсь, разминаю затёкшую шею. Нарочито медленно. С удовольствием.

— Не знаю, — начинаю урок психологии, — осознанно или нет, но ты пытаешься мне внушить, что времени на раздумья нет. Совсем скоро ужин с драконом, и я не должна

сглупить, правда?

Он наблюдает за мной, словно большая кошка за проползающей мимо змейкой. Или же всё наоборот? В любом случае, кто-то из нас точно ядовит.

— Да что ты с ним говоришь? Я тобой займусь, всё должно быть по правилам.

— Я тоже об этом подумала. Зачем мне безвозмездный тариф, зачем твоя помощь с интеграцией в новый мир, если будет калейдоскоп чужих воспоминаний?

Алиса пролетает мимо нас, взъерошив волосы эльфа. Не мои, потому что в её интересах, чтобы я выглядела великолепно. Она, как я понимаю, мой куратор.

— Я отлично справляюсь со своей работой! — кричит книга. — Слышишь? Не смей связываться с ним. Это опасно! Мозги могут поплаваться к чертям собачьим!

— Оу, у вас тоже есть это выражение...

— Я говорю с тобой на твоём языке! — недовольно бурчит она. — Убить его надо, а она говорит с ним...

Причитания Алисы несколько не смущают эльфа. Он отвечает спокойно, голос бархатный:

— Времени действительно нет. Сама посуди — ты уже едва ли не погибла. Уже ведёшь себя иначе, чем Виктория. Думаешь, Ричард — последний дурак?

— Не последний, конечно. Но... — усмехаюсь. — Если серьёзно, то он и не знал свою жену толком, как я поняла. А теперь любое изменение спишет на истинность. Любовь

меняет людей, не слышал такое выражение?

— Я ещё до сих пор не вразумил, что такое Санлайт, — морщится он.

Я сажусь в кресло, на подлокотник опускает Алиса. На удивление, отвечает она за меня:

— Попаданка имеет в виду, что ты преувеличиваешь спешку. У меня всё идёт по плану. И она полностью довольна моей работой и доверяет мне. А тебе — с чего бы?

— Если я как-то не так общаюсь с Его Драконьим Величеством, ничего не стоит сказатьсся больной и вечером подучить этикет... — вставляю свои пять копеек.

— Думаешь, к ночи он не придёт? — эльф остро усмехается. — Будешь готова к тому времени?

По коже пробегает волна мурашек. Придёт вот так просто? Потому что мы истинные? Волна страха прокатывается от живота к груди. Вот только почему-то горячая волна.

Но я всё же...

— Я всегда готова отказать мужчине. Как-нибудь справлюсь. Если вы думаете, что я стану спать с незнакомцем только потому, что мы магически связаны... Увы, это не слишком меня впечатляет.

Алиса всплёскивает страницами.

— Я видела твоё личное дело! Напомнить, сколько раз, где и когда было с незнакомцами?

Опускаю взгляд и ногтями стучу по её корешку.

— А, ну, тихо. Это можно посчитать по пальцам одной

руки человека, у которого как минимум три пальца отморожено... И это другое. Сравнила свидания с тиндера и вот это вот всё, где от меня ещё и ребёнка ждут.

Эльф морщится.

— Тиндер?

Я усмехаюсь. Мне кажется, незнакомые слова доставляют ему едва ли не физическую боль.

— Ладно... — выдыхаю. — Назовись уже и объясни, что за сделка. И какое тебе дело до меня. Всё, что я о тебе знаю — ты нарисовал тот рисунок, из-за которого мне влетело. И ты связан с Викторией. Почему?

Эльф поджимает губы. И, видимо, только окончательно убедившись, что без объяснений я не собираюсь позволять проводить с собой любые манипуляции, говорит:

— Мой народ был самым первым. Долгие века мы были у власти. Нам известны законы древней магии, мы — хранители знаний. И всех остальных уберегали, при нас было спокойно. Но потом... драконы решили, что верный путь — путь силы. Они заняли наше место. А мою расу практически уничтожили. Это было несколько веков назад. С тех пор такие как я — редкость. Нежелательная редкость. Бельмо в драконьем глазу. До сих пор они боятся нас и не дают спокойно жить... Виктория же спасла мне жизнь. Она не была подвержена предрассудкам. Я ей должен. И когда пришёл и увидел тебя, подумал, что Викторию подменила корона. Из-за её выходок, в том числе из-за меня. А, значит, смерть гро-

зит и мне... Но после я быстро понял, что ты — попаданка. И если в тебе есть хоть доля того чувства справедливости, какое было у Виктории, ты, став любимой женой Ричарда, матерью его детей, не будешь против эльфов. И, может быть, у тебя получится изменить отношение к моему народу. А взамен я отдам тебе её воспоминания. Мы связаны, я хранил их точно так же, как она сама. Что скажешь? Вот моя сделка. И зовут меня... Иларион.

Я отвечаю не сразу, поскольку он сказал довольно много не только о своём предложении, но и об этом мире в целом. Встать на сторону эльфов? Пока не вижу причин этого не делать. Времена мирные, этот народ и без того пострадал, так пусть живёт спокойно сейчас.

Бросаю взгляд на Алису. Она не возражает, а, значит, Иларион не перевернул историю и не ввёл меня в заблуждение.

— Я повторяю, — книжку, правда, волнует другое, — это опасно. Любые вмешательства в сознание могут привести к непредсказуемым последствиям. А магия эльфов вообще не изучена. Точнее, данные о ней давно утеряны. И да, я знаю многое о разных мирах, но не всё. Памяти на это не хватит даже у меня. Поэтому подробности об этом индивиде не знаю.

— Но ты знаешь, что способ имеет место быть, — усмеяется эльф. — И вам очень повезло, что я оказался рядом. Оказался на вашей стороне. А ты, — он переводит взгляд на меня, — разве не понимаешь? Тебе нужно играть принцессу

Викторию. Ричард будет любить именно её, он уже знает её и не станет знакомиться заново. А у тебя нет никаких воспоминаний, никакого контекста. Вы сблизитесь, ты не сможешь ответить на элементарные вопросы. Книга не будет рядом всегда. У моего способа есть побочные эффекты, разумеется. Но ты должна понимать — я хочу, чтобы ты была в добром здравии. Чтобы смогла помочь. И если бы был вариант лучше — предложил бы. Его просто нет. Доверишься той, кто уже угробила свою другую подопечную или мне?

Я бы ответила, но стук в дверь не даёт сосредоточиться. А голос принца — тем более.

— Виктория? — зовёт он. — Я могу войти?

— Кажется, — шепчет книга, — он не будет ждать до ночи...

Алиса, тяжело вздохнув, замолкает и становится обыденностью с пожелтевшими страницами и ветхим корешком. Эльф же плавно и грациозно ныряет... под кровать. В тот же самый миг распахивается дверь. Я вздрагиваю. И, наверное, покрываюсь красными пятнами от волнения. Снова поправ все приличия, мой муж, мой истинный, мой дракон и, в конце концов, мой (почти) незнакомец, врывается в комнату.

Он больше не выглядит встрёпанным. Неужели так задело моё неосторожное, смешливое замечание?

Я сдерживаюсь, чтобы не дать волю улыбке. Сдерживаюсь, чтобы не отступить на шаг. И всё же кого этот нахал пытается обмануть?

Постучал. Да так, будто действительно собирался ждать с той стороны. А затем дверь как бы между прочим раскрылась так, что хлопнулась ручкой о стену. Переступив порог, Ричард смотрит на меня так невозмутимо, словно это я его позвала. На деловой разговор, естественно! А что ещё супруги могут делать в спальне после того, как обнаружили метку истинности?

Одет с иголочки, выглядит потрясающе, но так нарочито потрясающе, что становится смешно. Волосы лежат прядка к прядке, открывая моему зрению его красивый высокий лоб. Не отвлекают от его взгляда и от вязи незнакомых букв на скуле. Похоже на подсвечивающийся слегка шрам.

Шрам от моего (почти что) поцелуя. На деле же — дурашливого касания языка.

Смотреть на дракона сейчас всё равно, что смотреть на то, как танцует и разгорается пламя. Завораживает. Так сильно, что и не замечаешь, как начинаешь задыхаться от... любви?

Терпкого, сладкого, навязчивого и в то же время неуволнимо-го чувства.

Неужели Ричард ощущает то же самое?

Ощущает то же самое, глядя на меня.

Сердце пропускает болезненный удар, когда вспоминаю, что он сейчас смотрит на свою жену. Желает свою жену. Не меня.

Всё очень сложно. Всё смешалось в доме Облонских всего лишь за один день. Я совсем не знаю его, но готова отдать за

него жизнь. И просто... отдаться.

От последней мысли (желания?) хочется заскулить, хочется полезть на стену. Сотня нитей тянет меня к нему. О, мой принц, что же ты делаешь со мной?

Не понимаю, в какой момент падаю в его горячие объятия. Он сам оказался так близко, или ветер истинности всё же привёл меня к нему?

— Виктория, — выдыхает Ричард, и на мгновение это заставляет меня замереть и охладеть, закрыться в себе. Я в теле его жены, но жена не его истинная. Ещё совсем недавно я не чувствовала этих сильных, раздирающих душу и сердце эмоций. Смеялась, старалась держаться, думала, что смогу и без мужа устроиться в новом мире. Но сейчас мысль о том, что мы можем не быть вместе, кажется абсурдной. Это всё равно, что сказать, что трава будет всегда и везде красной! Вот только... мне бы так хотелось, чтобы он знал и любил по-настоящему меня. Меня, а не Викторию.

Все эти мысли тают в растворе неизведанных, сильных чувств. В какой-то момент я хочу только прижиматься к его твёрдой, горячей груди и дышать, будто только рядом с ним могу набирать в грудь воздух, жить и наслаждаться жизнью.

Хочется спросить, где же он был всё это время, но я держусь из последних сил.

Ричард запускает пальцы в мои волосы, касается так, словно я — мечта, до которой, наконец, можно дотронуться. Словно я самое ценное в его жизни. Я просто чувствую это.

Чувствую на его кончиках пальцев.

Колени подкашиваются. Вовремя. Ведь дракон подхватывает меня на руки и несёт к кровати. Которая теперь кажется мне ещё больше, мягче, притягательнее...

— Ты будешь только моей, — ухмыляется он, нависнув надо мной, когда мы оба оказываемся в горизонтальном положении. — Всегда.

Он касается губами моего виска, щеки, челюсти, шеи... Последний горячий поцелуй заставляет протяжно, пошло застонать.

Ричард спускается всё ниже, его ладонь уже на моём бедре. Он — гора мышц, огромный, сильный, властный. И мне всё равно мало. Я хочу больше. Ближе. Ещё, пожалуйста...

Запускаю тонкие пальчики в его волосы. Путаю их. И тихо смеюсь:

— Вот так, — выходит почти что стон, — лучше.

Его лицо оказывается так близко, что наши носы едва не касаются друг друга. Ричард трётся им о мою щёку, словно провинившийся зверь. А потом, чуть отстранившись, глядя в глаза, роняет:

— Прости меня.

От того, насколько проникновенно звучит его фраза, меня будто холодной водой обливают. Флёр влечения постепенно спадает. Мне никакая истинность не нужна, чтобы лихорадочно думать о таком мужчине, как Ричард. Но когда ощущения, явно посланные нашей связью, перебиваются моими

собственными эмоциями, становится не до утех...

Я просто не могу. Не могу так. Он смотрит на меня, видит свою жену и говорит с ней. В такой момент... когда я уж точно не желаю между нами никого третьего (эльф под кроватью не в счёт). В горле будто комок застревает, на глазах появляются слёзы. Он — мой истинный. И я здесь для него. Но он не знает об этом.

И ладно бы правда дело было только в этом. Но у дракона с Викторией были непростые отношения. Он извиняется с таким видом, будто умрёт, если не прощу. А я даже не знаю, за что конкретно.

Какая кошка между ними пробежала?

Вмиг становится неприятно, оттого что мне вообще приходится думать об этом. О нём и его жене. И это всё вдобавок догоняет внутреннее возмущение насчёт того, что у меня совсем нет времени как следует всё обдумать. Узнать Ричарда лучше. Понять, что вообще из себя представляет эта их истинность...

Что если это не настоящая любовь?

Когда нас тянуло друг к другу, словно магниты, это казалось естественным. Но теперь я понимаю — дело в магии.

Я не из этого мира, и мысль о том, что чувства навязаны, может преследовать меня до конца, если мы продолжим в том же духе.

Ричард не сводит с меня взгляда. Он так близко. Едва дышит и ждёт ответа с замиранием сердца. Такой трогатель-

ный. Но на моём лице наверняка застыло растерянное выражение. А он явно ожидал не этого.

— Не можешь? — шепчет с тоской.

Я опускаю взгляд. Мне придётся согласиться на сделку с Иларионом. Он абсолютно прав — Алиса лишь временно со мной, и она не знает всего. Без воспоминаний Виктории я не то что не смогу долго притворяться ей, я просто не выдержу этого.

Не понимать, о чём говорит Ричард, что терзает его душу — больно.

И слишком большой соблазн сознаться. Рассказать ему о том, кто я. И, возможно, навлечь этим на себя беду.

Нужно держаться.

— Я просто... — пытаюсь хоть как-то отговориться, но дракон уже не слушает меня. Он прижимает к себе обжигающе-горячей ладонью и пытается поцеловать.

Боюсь, после поцелуя мне снесёт крышу, и я уже не смогу себя контролировать... Так что, собрав волю в кулак, пытаюсь его от себя оттолкнуть.

Помогает в этом ещё и то, что под нами сидит эльф. Вот уж остроухого чертёнка из табакерки мне не хватало только тут в качестве зрителя...

Я перебираюсь на другую сторону кровати, Ричард преследует меня, словно это какая-то брачная игра, прелюдия...

Он ничего не успевает сделать, а я уже кричу. Потому что кровать под ним ломается и съезжает набок. Дракон со сме-

хом валится на пол.

— Оу, как же ты низко пал! — улыбаюсь я и в следующее мгновение меняюсь в лице.

Потому что до меня доходит, что так Ричард может заметить Илариона.

И останемся ли мы с эльфом после этого в живых — вопрос.

Ричард замирает, явно вглядываясь во тьму под кроватью, но судя по отсутствию гневной волны огня, никого там не замечает. Эльф уже телепортировался? Нужно обязательно узнать, как это работает. Но в любом случае я не сдерживаюсь и выдыхаю от облегчения.

Дракон поднимается, обводит меня горящим взглядом и произносит:

— В моей спальне кровать крепче, чем если мы...

Я хлопаю ресницами, поправляя причёску.

— Что если мы закажем в мою спальню точно такую же кровать, Ваше Высочество? — улыбаюсь. — Это хорошая идея. Но, надеюсь, до ночи починят и эту, я что-то так сегодня устала... — зеваю в кулачок и поднимаю на него насмешливый взгляд из-под полуопущенных ресниц.

Он облизывается (ему идёт) и едва заметно качает головой.

— Теперь, — звучит, как утверждение, — ты планируешь мучать меня?

— Я составлю планы после ужина, дорогой.

Он садится на кровать рядом. Волна дрожи прокатывается по телу, от волнения не могу даже сглотнуть, тут же немею, тут же будто зябну. Что-то приковывает меня к месту, тяжёлое внизу живота, будто я проглотила камень.

Ричард запускает пальцы в мои волосы, вдыхает запах цветочной отдушки (как романтично), целует в скулу, прикусывает мочку уха, горячо дышит в шею. Доводит до иступления. Прекрасно зная, что отказать ему невозможно.

Впрочем, разве может быть что-то невозможное для попаданки?

— Милая, к чему тянуть... Я, думаю, нам пора сложить оружие.

Я усмехаюсь:

— Мне показалось, что твоё весьма и весьма наготове.

Рыкнув мне в шею, он всё же смеётся. Берёт мою руку, целует костяшки пальцев, не сводя взгляда с моего лица.

— Я люблю тебя, — произносит он.

Слова пробирают до дрожи. Хочется верить. Хочется верить до боли.

Но я не могу.

Я ничего не понимаю.

Он ведь даже не подозревает, что со своей истинной знаком не более нескольких часов.

Была бы для него вообще разница?

Как узнать?

— Для меня это слишком... быстро, — произношу шёпо-

том. — Я была бы благодарна, если бы ты дал мне привыкнуть.

Жар, поднимающийся по телу вверх, а затем отливающий назад, отчётливо заставляет полагать, что долго отнекиваться не получится.

Но нужно не натворить глупостей. Сдержаться, договориться с эльфом о воспоминаниях, и уже с новой информацией решать, как жить-то дальше в новом мире. Позволить всему идти так, как оно идёт, закрыть глаза на то, что чувства слишком быстрые и сильные? Или же поступить как обычно и упустить красивого ухажёра?

О, выбор как всегда пестрит разнообразием, и притом все варианты соблазнительны...

Помедлив, Ричард кивает и с трепетом целует меня в лоб.
— Хорошо. Увидимся на ужине? Пока будем там, приведут в порядок кровать... — он усмехается. — Боюсь, в воображении слуг произошедшее здесь будет интереснее, чем на самом деле.

— Будь терпеливее, — улыбаюсь. — Когда-нибудь ты превзойдёшь их ожидания...

Притормозить-то он согласился, но уйти ему физически сложно. Он всё смотрит на меня, касается, хочет поцеловать... Приходится подняться и попытаться вытолкнуть его из спальни. Это оказывается проблемой. Мы будто связаны невидимыми нитями... Поэтому я решаю... повезти его за собой в коридор. Словно телёнка на верёвочке.

Со смехом дракон идёт за мной и на глазах у одного из слуг целует в заднюю сторону шеи. На нас таращатся, так что я не выдерживаю и снова запускаю пальчики в тяжёлые пряди Его Драконьего Высочества.

Парень с ботинком в руках падает на пол, роняет взгляд в пол и отползает раком.

Как раз в этот момент я со смехом убегаю от Ричарда и запираюсь в спальне. Остаётся лишь надеяться, что он перетерпит зов, который кипит в наших венах.

Проходит несколько минут, принц так не срывается дверь с петель.

А, значит, можно выдохнуть. Вот только сердце продолжает колотиться так, будто я от кого-то убегаю... Неугомонное!

— Ну что, самозванка? — появляется рядом эльф, едва не вызвав сердечный приступ. — Ты приняла решение?

— Да, — я полна решимости узнать больше о прошлом Ричарда и Виктории. Ещё совсем недавно аргументы эльфа казались ненадёжными, и с ними хотелось поспорить. А проводить над собой неуместные операции в угоду чужого удобства не хотелось. Но потом пришёл Ричард, мой... дракон (сглатываю слюну) и в красках объяснил, почему стоит согласиться.

Боже, как же этот мужчина хорош. И почему только он женат. Понимаю, что сейчас как бы и на мне, но всё же!

— Алиса... Элис? — мне кажется слишком странным, что

Ричард ушёл, а книженция молчит. — Что скажешь? Какие ещё есть риски?

Но она ведёт себя, как... как книга. Скучная, неподвижная книга.

— Эй... — тыкаю в неё пальцем.

— Что хочешь, то и делай... — выдыхает она. — Этот ведь лучше знает, как маленьким попаданкам выживать в этом большом мире! Это же его работа... А у меня даже данных о нём нет, вот что за тип?

— Он связан с Викторией — это мы знаем точно, — нахожу аргумент я, разглядывая Илариона.

— Но ты, — в очередной раз напоминает мне книга, — не она.

Хотя когда-то речь шла об обратном...

— Но мне нужно видеть различия, чтобы играть её, верно?

Алиса фыркает. Если бы у неё были причины меня остановить, она бы их озвучила даже сквозь своё расстройство. Но раз их нет...

— Давай.

Эльф кивает, заправив за острое ухо длинную чёрную прядь волос. Я зависаю, разглядывая его пальцы. Красивее ни у кого рук никогда не видела. Завораживает даже.

— Ты не получишь всё и сразу, иначе это и вправду повредит тебе голову. Придётся прилагать усилия, чтобы в нужный момент подцеплять из сундука памяти принцессы нуж-

ные эпизоды. Ты должна искать их через небольшую щёлочку, сам сундук раскрывать нельзя.

— Ящик Пандоры, значит...

Иларион, буду звать его Рио или Ил, или как-нибудь ещё, если переживу вмешательство в разум, окидывает меня строгим взглядом.

Иногда он кажется понятным, простым и даже тёплым, несмотря на некоторую отстранённость. А иногда... не доверяю я ему. Но разве есть варианты без риска в этом новом мире?

— Я помогу твоему народу, — заверяю его. — В любом случае помогу. Надеюсь, о своих целях ты не соврал.

— Я же говорил, — усмехается он, — мы не врём.

И касается моего виска подушечками пальцев. Кожей мгновенно чувствую холодок, словно от кубика льда. Он перетекает от головы по горлу к сердцу, затем поднимается чуть выше. Оставляет мурашки на руке. И сосредотачивается на указательном пальце, где я замечаю золотое кольцо с полупрозрачным камушком, отливающим небесной синевой.

Когда только эльф успел надеть его на мой палец?

— Я... — произношу, будто на пробу. Словно что-то могло во мне измениться за несколько мгновений. — Ничего особенного не чувствую.

— Пока нет подходящей ситуации, — поясняет эльф.

Холод немного жжёт кожу. Но всё не так страшно, как мне

думалось изначально. Понять бы лучше, как что работает, но (разумеется) стук в дверь не даёт поговорить с Рио.

— Принцесса Виктория! Я к вам с нарядом! — с радостью в голосе заявляет Гарольд. Вот кому жизнелюбivosti в этом замке не занимать!

Эльф медленно склоняет голову, не сводя с меня взгляда, в жесте то ли почтения, то ли чего-то ещё и скрывается за гобеленом. Алиса так и продолжает не подавать признаков жизни. Так что я впускаю кутюрье в спальню.

— Почти накрыли стол, Ваше Высочество. Нужно потопиться. Принц Ричард уже готов... Представляете, он вышагивает в коридоре восточном туда-сюда, туда-сюда. Голову-то мы с вами знатно ему вскружили...

О да, на пару постарались! Вдвоём-то добиться мужчину легче.

На меня нападает сонливость, зеваю и запоздало прикрываю рот костяшками пальцев. Гарольд, до того погружённый в свою собственную реальность, присматривается и, тихо ойкнув, отступает от меня на два шага. Будто чтобы развидеть метку.

— Неужели... — шепчет он. — Неужели, Ваше Высочество?

Я выгибаю бровью.

Кутюрье делает жест, будто хочет бросить платье на ковёр, но замирает и аккуратно кладёт его на кресло. Не пойму пока, какой фасон у моего наряда, но нежно-персиковый

оттенков мне уже импонирует.

— Вы — истинная пара Его Драконьего Высочества, — выдыхает он... разочарованно?

— Эй, — я улыбаюсь, — а ты разве не должен радоваться? Гарольд смущается. На миг его лицо становится решительным, мне кажется, что он вот-вот выскажется, но кутюрье только глаза в пол опускает и мнёт ткань рубашки.

Зато отвечает за него... Алиса.

— Да ты бы постыдилась и метку свою прикрыла! Зачем только хорошего человека расстроила?

В ответ хороший человек... кричит.

Через несколько мгновений, словно по команде, отворяется дверь и в комнату вваливается... мой принц.

— Что здесь происходит? — спрашивает у меня, хотя, ну извините, кричала баритоном явно не я.

— Там это... — выдыхает Гарольд, от страха даже забыв поклониться Его Драконьему Высочеству. — Того...

Он переводит на меня взгляд и тут же тушует. По моему лицу, видно, понятно, что про занудный голос от неопределённого источника рассказывать принцу не стоит.

— Ничего, Ваше Высочество, я не сдержался из-за метки... О, какая радость это для королевства! Благословение богини, не иначе!

Хотя Гарольд явно недоволен нашей истинностью и с радостью заменил бы её собой, он весьма натурально падает на колени и кланяется. Я на миг испытываю острый страх за его

спину, но всё обходится.

— Что ж... я тоже удивился, — Ричард не сводит с меня взгляда, я чувствую, что ему трудно уйти, и все эти рамки дозволенного изрядно начинают сковывать драконье горло. Вот только мне это на руку. Должна же я, наконец, немного перевести дух, что-то вспомнить, подумать... Но метка горит безболезненным огнём, а тело просится в объятия к этому мужчине.

Чтобы не допустить разврата в этой комнате (здесь и сейчас) быстренько подхожу к креслу и касаюсь безумно приятной на ощупь персиковой ткани платья.

— Покажи же мне уже своё творение, дорогой Гарольд, — стараюсь выделать из своего голоса щебет. — Принц... — лишь на несколько мгновений задерживаю на нём взгляд, — вы что-то хотели до ужина?

Его этот вопрос совершенно не радует. Ведь «что-то» он определённо хочет. Но действительно вновь прижимать меня к стене, смущать слуг и срывать ужин — не слишком логично, ведь к ночи он может получить всё более законным и традиционным способом.

Мне бы хотелось вспомнить сейчас небольшую деталь о нём. Хотя бы какой-то разговор, какой-то отзвук голосов прошлого. Просто чтобы понять, что всё сработало. Но кольцо лишь холодит пальчик, и никакого нового понимания ситуации не приносит.

— Лишь хотел убедиться, что всё в порядке. Я буду ждать

тебя внизу, Виктория.

Ох, и с каким же достоинством Ричард это произносит! Как браво разворачивается и уходит. А мне почему-то кажется, что ему физически больно.

— К-конечно! — Гарольд осторожно берёт платье, расправляет его и показывает мне. — Меньше деталей, но строгий крой и дорогая ткань с тонкой полосой драгоценных камней придают ему нужный оттенок благородства. Такое простужка не наденет, нет-нет! Но... Ваше Высочество, если бы я только знал об истинной связи... На такой случай нужно нечто грандиозное!

— Нет, — улыбаюсь я, — это очень хорошее.

Он явно доволен тем, что смог меня порадовать. Но что-то его всё же беспокоит.

Впрочем, может, он подумает, что ему показалось?

На нервной почве.

Но тут моя книга вновь бунтует:

— Что вы за кутюрье, если слушаете ту, у кого нет вкуса? Вас назначили следить за её внешним видом, смирять выходки, а вы... Потакаете!

— И правда... — Гарольд бледнеет, отступает к окну, а затем поднимает на меня глаза, полные ужаса. — А кто... кто это говорит, Ваше Высочество?

Алиса взмывает под потолок и остервенело хлопает страницами.

— Волшебная книга! Элис! — кричит так, будто её не

узнали, и это определённо оскорбляет её честь и достоинство. — Никогда не видели таких что ли?

— Н-нет... — Гарольд хлопает завитыми ресницами, будто в ответ на её движения.

Алиса вздыхает:

— Я — семейная реликвия принцессы. Неприятно познакомиться!

Кутюрье пугается, я стараюсь его обнадёжить:

— Она со всеми так... Вы только, пожалуйста, никому не говорите о ней. Вещица ценная, вдруг кто надумает украсть?

— Конечно, я самая тихая могила.

И, подумав, на всякий случай добавляет:

— Пустая могила, Ваше Высочество. Такая, в которой никто и не шелохнётся.

Я, признаться, немного обескуражена этим уточнением. Полагаю, зомби здесь тоже бывают. Но, надеюсь, мне лично не придётся с ними сталкиваться.

А что на Алису нашло? Она решила меня раскрыть?

К чему тогда морочить мне голову строгими божественными правилами? Ни черта не понимаю... Но обсуждать это при Гарольде всё же плохая идея.

Он помогает мне с платьем. Моего нижнего уже не так смущается, хотя всё ещё жмурится, пока его не перекрывает персиковое блаженство. Сзади не очень удобно, там как будто бы сотня мелких пуговиц, едва вообще заметных глазу. С ними приходится повозиться.

— Боюсь, мы с Ричардом можем испортить его, — вздыхаю я. — Порвать, например...

Гарольд изрядно смущается. Щёки краснеют.

— Я не... не знал, Ваше Высочество. Но если мужчина любит, он справится с любой застёжкой.

Это звучит так серьёзно, что я невольно начинаю смеяться. С застёжкой-то любой справится, а вот любовь ли эта истинность — большой вопрос.

И вроде бы какая разница? Если я умом понимаю, что нет причин из-за которых я бы без истинности так и не смогла бы полюбить его. Он привлекательный, интересный и... что-то ещё. На самом деле я вообще его не знаю. И это единственная проблема. Но и без всякой истинности она бы решилась со временем.

Или я бы узнала то, что оттолкнуло бы меня...

Думаю обо всём этом, пока Гарольд кружит надо мной, помогая уложить волосы в причёску, простую, как я попросила, но элегантную, как требуют правила королевского этикета. Сам кутюрье обменивается сплетнями с книгой. Хорошо, что он никак не связал её с попаданками. Мужчина принял Алису скорее за какую-то приближённую слугу моего рода, он относится к ней очень почтительно, но ведёт себя раскованнее с ней, чем со мной или тем более Ричардом.

Мне бы прислушаться к их разговору, но в голове столько мыслей и страхов крутится, что не могу ни на чём сосредоточиться.

И в таком состоянии спускаюсь в обеденную залу. Или как она называется?

Всё как в фильме из тех, где проститушку преобразают в королеву. Ричард стоит у первой ступени лестницы, стискивает в пальцах край перилл из красного, лакированного дерева, не сводит с меня взгляда. Я с завитыми локонами, соединёнными между собой цепочками с драгоценностями, в красивом платье, подчёркивающим формы, спускаюсь к нему. Дракон протягивает руку, моя ладонь ложится в его, он шепчет мне, какая я красивая, вызывая волну мурашек, мы садимся за стол.

Сердце колотится в клетке рёбер. Что-то сейчас произойдёт. Что-то неладное случится.

Он такой пленительный сидит напротив, нам приносят аппетитно пахнущее рагу, наливают вино, произносят традиционную речь.

И, наконец, оставляют одних.

Я накалываю кусочек мяса на серебряную вилочку, дракон не сводит с меня горящего взгляда и даже не думает о еде.

Я знаю — больше всего на свете он хочет попробовать меня саму.

И это пугает, парализует и возбуждает одновременно.

— А ты, — чувствую, как против воли уголок губ ползёт вверх, — ведёшь себя иначе... Хотя радостные события, дорогой, у нас случались и до этого дня.

Он хмурится, потому что интонация моего голоса совсем не похожа на те, что я использовала прежде.

— Какие такие события?

Краем глаза я замечаю, как сверкает красным камушек в кольце, что досталось мне от эльфа.

Это, и брошенная мной же фраза — последнее, что я помню до того, как погрузиться во тьму.

— Вечер нашей свадьбы.

Тьма отступает быстро, но реальность не возвращается ко мне в полной мере. Взгляд падает на пламя, весело отплясывающее на верхушках восковых свечей. Откуда-то доносится музыка. Оборачиваюсь — в дальнем углу залы устроились музыканты. Из всех щёлочек, всех проёмов на нас глазают слуги. Что-то мне подсказывает — они хотят увидеть метки истинности. Хотят быть причастными к чуду...

— Позволь мне... пригласить тебя на танец, — дракон поднимается и подаёт мне руку.

Я хватаюсь за неё, словно за спасательный канат. И даже не замечаю, как и когда мы начинаем кружить в нежном, медленном танце. Тело к телу, так близко, так горячо и откровенно, но в то же время невинно. Это кружит голову.

Я с трудом выдыхаю, с трудом перевожу взгляд за плечо Ричарда и вздрагиваю. Сотня человек. Или нечеловек. В дорогих костюмах и платьях винтажного кроя. С замысловатыми причёсками и штукатуркой на лице. Откуда они появились?

Что происходит?

Музыка меняется резко. Всё заполоняет смех, звон бокалов и атмосфера напряжённого веселья. Всё как будто бы ненастоящее. Ричард отпускает меня и куда-то уходит. Я обвожу взглядом его широкую спину, его горделивый стан.

И в этот момент понимаю, что люблю его. Люблю его, будучи Викторией, его женой с этого дня, но не его истинной.

Это вечер их свадьбы. Принцесса вынуждена развлекать гостей в одиночестве. Они все улыбаются фальшиво и сыпят фальшивыми комплиментами. Но она слишком взбудоражена тем, что принц стал её мужем. Ведь ещё маленькой девочкой она была влюблена в него.

На титул его жены претендовали многие, но выбор короны пал именно на неё.

Они уже встречались с Ричардом во взрослом возрасте, на приёмах, праздниках короны и даже на охоте. Виктория любила иногда побаловаться мужскими занятиями. На одном из таких они с Ричардом и переступили черту.

И теперь принцесса носит под сердцем его ребёнка. Ребёнка своего мужа.

Разве не чудесно?

Это не стало роковой ошибкой, наоборот, пришлось как раз впору. Если она сумеет родить принцу наследника в первый же год брака — все посчитают это добрым знаком.

Вот только сам дракон как будто бы не рад. Или ей только показалось?

Когда отсутствие Ричарда затягивается, принцесса Виктория решает найти его. В общих покоях и кабинете принца его самого не оказывается. Тогда она решает заглянуть в комнату принца. Ту, которой он довольствовался до статуса её мужа.

Уже у двери её встречают судорожные стоны и всхлипы. Но Виктория до последнего верит, что её мужа в комнате нет. Там кто угодно, только не он сам.

Но правда оказывается слишком жестокой...

Её сердце разрывается на части, и это боль оседает уже в моём теле, точнее, в моей душе. Душе обычной русской женщины, что по решению чужих богов попала в магический мир. В объятия неверного, жестокого дракона.

Камень в колечке всё ещё горит красным, когда я прямо в танце отвешиваю принцу пощёчину и выпутываюсь из его звериной хватки.

— Думал, убил меня и будешь счастлив с другой? — из горла вырывается будто чужой смех. — Не трогай меня! Мерзавец...

Я — или не я? — смахиваю со стола свечи, огонь перекидывается на скатерть и шторы.

Зал в тот же миг заглатывает неистовое пламя.

А я выбегаю. Ноги сами ведут прочь из замка, подальше от Ричарда и парада лжи, ближе в объятия холодной ночи и зеленоватого свечения ночных цветов...

Глава 5. Дом, милый дом

Я бегу и бегу, и в какой-то момент понимаю, что всё-таки не являюсь собой в полной мере. Становится очень страшно. В груди будто что-то сжимают холодные пальцы. Что-то подсказывает, что женские.

Неужели вместе с воспоминаниями Виктории я подселила в свой разум её саму? Хотя стоит ли возмущаться, если я сама, Антонина Курочкина, засела в её теле?

Боже, и что ж теперь будет?

Впервые за весь этот длинный день даже шок не блокирует всю ту гамму чувств, что охватила меня сейчас.

Я продолжаю нестись вперёд, оказываюсь в лесу, где цветы будто подсвечены сначала зеленоватым, а потом синим и красным свечением. И хочется остановиться, хочется вернуться, но не могу — ноги не слушаются.

Я безумно огорчена поступком Ричарда в прошлом, зная теперь, что Виктория-то его любила. А он её просто растоптал. Но насколько мои чувства — мои?

Разумнее было бы остаться рядом с книгой. В мире-то, который я почти не знаю.

Но нет, какая-то сила тащит меня всё глубже в лес! А над головой то ли ветер свистит, то ли дракон пронзает свежий воздух крыльями.

Ещё как назло вмиг потемнело... Впрочем, я не знаю, сколько времени длился ужин. На нём всё смешалось.

Сделка с эльфом вышла боком. Но умышленно ли? В любом случае надо уши-то ему надрать хорошенько...

Эй, Виктория, её дух, характер или что-то ещё, может, хватит истерить? Куда мы бежим в конце концов?

Но — наверное, и к лучшему — никакого общения не происходит.

Я стараюсь не умереть от страха, не угробить сердце, успокаиваю себя, что Ричард, каким бы гадом ни был, найдёт свою истинную, то есть меня. А там уж что-нибудь придумается. Ему тоже стоит надрать кое-что.

Но где же он?

Или мне удалось всё-таки удрать от, мать его, огромного летающего ящера?

За этим мыслями не сразу замечаю, как оказываюсь нос к носу (магической разноцветной прослойки, точнее) с очередным порталом. Он подсвечивается красным, словно предостерегая, что в него лучше не заходить. А я и не собираюсь! Камень в кольце как раз вновь становится светлым. И, кажется, я чувствую тело так же хорошо, как до проклятого ужина.

Вот только тело, пусть и подконтрольное, по инерции всё же подаётся вперёд, и я не успеваю отклониться.

Снова ресницами хлоп — и я уже в другом месте.

Я... дома.

Едва не падаю в коридорчике своей квартиры. Тот же дешёвый жёлтый линолеум с ромбами, то же трюмо, тот же домовёнок на стене.

Сердце ёкает. Я что вернулась? Назад вернулась? И никакого больше дракона, никакой истинности, никакой принцессы и прочей лабуды?

С недоверием делаю шаг вперёд.

И навстречу ко мне выбегает мой любимый зверь на мягких лапах.

От радости даже слёзы на глазах наворачиваются, но ощущение, что всё не может быть так просто, не даёт расслабиться и выдохнуть.

Огромный котяра, Барсик, с разбегу прыгает ко мне, вцепляется длинными когтями в ноги, вырывая пронзительный крик. Не в первый раз так делает, но больно как в первый.

— Обиделся на меня? — сажусь на пол и запускаю пальцы в его длинную шерсть черепахового окраса. С трудом отцепляю от подола платья, чтобы прижать его к своей груди.

Кот тут же начинает утробно мурчать.

А я не понимаю, как такое вообще может быть? Это сон?

По щекам текут горячие слёзы, пальцы подрагивают. Тонкие, красивые пальцы принцессы Виктории. Я в её теле в своём мире? Зеркало рядом, проверить это легко, но я не успеваю, потому что в коридоре появляется ещё кое-кто очень важный для меня.

Полноватая, добрая, светлая, тёплая женщина. В тёмных

волосах проглядывается седина, но это нисколько её не портит. Сероватое домашнее платье с треугольным воротником и аляпистыми оборками. Нежная улыбка. Рая. Моя мама.

— Ну-с, и где ты была? — спрашивает она. — Мы с Барсиком места себе не находили. Уже ведь ночь на дворе, дочка.

Ночь. Точно. Днём я ехала домой. Прошло несколько часов. Для меня это кажется невероятным, ведь я успела поприключаться в магическом мире. А для матери это время долгое и тревожное.

Я оставляю кота и подбегаю к ней. Она не знает про аварию? А, может, и не было никакой аварии? И никакого попаданства. И никакого Его Драконьего Высочества принца Ричарда. Сердце пропускает болезненный удар. Не пойму только, от счастья это или от привкуса беды на губах? Обнимаю маму, прижимаю к себе, с удовольствием вдыхаю запах её духов. Одними и теми же она пользуется с моего детства. И в этом аромате заключается слишком много всего важного для меня. Как только могла я смириться с тем, что больше её не увижу? Как могла думать о каком-то драконе, когда у меня здесь живёт такая замечательная женщина? Ума не приложу...

Всё-таки это был просто странный сон.

Но когда же я умудрилась заснуть?

— Ну, признавайся, — улыбается мама, оглядывая меня, — мужчина какой появился?

— Что? — смеюсь в ответ. Хотя раньше, признаться, этот вопрос меня изрядно раздражал. — Не появился никакой мужчина, перестань...

— Ой, Тоня, я же всё вижу. Ты даже похорошела так...

— Правда что ли?

Я всё-таки подхожу к зеркалу в прихожей. Любопытно, в каком это месте я похорошела. Вот только отражение заставляет меня тонко вскрикнуть. От этого звука даже обыкновенно невозмутимый Барсик отшатывается и, дурной, ударяется боком о стену.

— Что такое? — хватается за сердце мама.

— Я не понимаю... — выдыхаю скорее, вторя своим мыслям, чем в ответ ей. — Как такое возможно?

Отражение сверлит меня лукавым взглядом. Там не Тоня Курочкина, сбитая, рыжеволосая тридцатилетняя предпринимательница, о, нет. Похорошела — это мягко сказано. Там опальная принцесса Эсмара, жена принца Ричарда, Виктория. Глаза лани, карамельные локоны, тонкие черты лица, нежная светлая кожа, молодой вид.

— Разве я раньше не была рыженькой? — осторожно спрашиваю у матери, боясь даже перевести на неё взгляд.

Чувство такое, будто я попала в очень странный сон.

Но логичнее было бы, если бы сном оказалась книжка Алиса, кутюрье Гарольд, эльф Иларион и все прочие товарищи волшебной страны.

— Ах, помню... — отзывается мать, и я всё же подхожу

к ней, всматриваясь в мягкие, знакомые до боли черты лица с надеждой. — В шестнадцать или семнадцать лет. Сколько тебе точно было? Без спросу перекрасилась в рыжий... Модно тогда это было. А я тебя и не ругала. Молодые все глупые. Вот выросла — и смотри, какая красавица. И ничего лишнего, ничего пошлого в тебе нет. Даже странно, что не замужем ещё.

По телу прокатывается волна мурашек. Как же это так? Мать видит внешность Виктории, и признаёт её за мою родную. Зовёт меня Тоней. И ведёт себя как всегда практически.

— Ну, идём, не буду уж тебя мучать. Я сама сериал посмотрела тот новый. Ложись спать. Завтра же у тебя выходной? Выспись хорошенько. Там я борщ успела сварить. И блины есть. С мясом. С творогом.

В ответ на эти слова в животе предательски бурчит. Словно сейчас и вправду возможно думать о еде.

Я выглядываю в окошко и вижу всё те же новостройки, всё тот же маленький парк, что и всегда. На кухне, поставив подогреваться еду, включаю ноутбук, проверяю сообщения — подруги маяться всё от тех же чаяний, что и обычно, спам как всегда беспощаден, а мужик из соседнего подъезда продолжает звать на свидание.

Кажется, я совершенно спятила.

В один прекрасный день просто взяла и сошла с ума.

Не могло же мне привидиться, что я выглядела иначе? Что попала в магический мир и уже там обзавелась таким вот

красивым телом?

Какой бред...

Просматриваю фото на своей странице и только ресницами хлопаю. В современной одежде, моей одежде, с каждого кадра смотрит Виктория. Мол, такой я была всегда. А та, другая — всего лишь фантазия. Всего лишь чушь...

И чем больше я смотрю на все эти фото, видео, чем больше общаюсь с людьми вокруг, тем больше проникаюсь к этой мысли, вживаюсь в неё, верю в неё.

Ну да, чего это я? День был солнечным, даже жарким, вот и припекло видимо... Не было никакой рыжины в волосах, не было никакой аварии, не было никакого Эсмара.

Всё вокруг кричит об этом.

И я не должна заикливаться на своих фантазиях. Стоит как можно скорее забыть о них, чтобы не сойти с ума.

И на следующий день я и вправду почти что забываю...

В выходные у меня больше всего продаж, поэтому, разумеется, бутик не закрывается, когда я отдыхаю, у меня есть замечательная работница, которая приходит на смены два дня в неделю. Раньше я работала без перерыва, ночевала в подсобке даже, но потом выгорела. И, наконец, поняла, что жить нужно больше. Потому что, если я не живу, не отдыхаю, для чего я вообще зарабатываю деньги? Этот вопрос заставляет остановиться у окна, замереть, прочувствовать полнее колющий удар сердца.

Для мамы ведь. Мама болела раньше. Конечно...

Но отдых всё равно важен. После странного глюка в матрице я веду себя, как обычно. Стараясь не думать, не думать, не думать о другом мире. О людях в нём. О своём дурацком предназначении. О принадлежности... кому-то.

Но, клянусь, иногда я слышу странные звуки и будто бы голоса. Словно отголоски чьего-то сна. Словно кто-то меня зовёт.

Зовёт почему-то Викторией...

Но я не хочу. Не хочу сходить с ума. Не хочу закупориваться в волшебном мире, где я якобы принцесса. Всё это бред. Лишь фантазия, чтобы сбежать из временами скучной реальности...

Но раз мой мозг уже такие кульбиты выдаёт, нужно что-то менять. Первый час я привожу себя в порядок, пью кофе и переписываюсь со своей работницей по рабочим моментам. Не покидает странность происходящего. Мне всё ещё нужно разбираться с поставками, обсуждать скидки, говорить о новой коллекции, советоваться, какие фасоны купальников лучше взять в этот раз... Конечно, нужно продолжать. А что изменилось, Тонь?

Что изменилось?

С этими мыслями я договариваюсь с подругами о встрече, мы идём обедозавтракать в уютный ресторан, перекидываемся новостями, смеёмся. Погода прекрасная. Моя машина, кстати, в полном порядке. Стоит себе на своём парковочном месте, поблёскивает на ласковом солнышке.

— А ты знаешь, что Павлик женился-то во второй раз? — начинает Вика. Она моя подруга ещё с института. Высокая, статная шатенка в элегантном костюме, подчёркивающим её фигуру в виде песочных часов. Владелица уже трёх салонов красоты. Та, с которой я больше всего говорю о своих делах, о бизнесе, о деньгах, о планах в этой сфере.

Я Нику иногда просто обожаю, но стоит признать, что ей недостаёт чувства такта. С другой стороны, я сама виновата. Вечно строю из себя камень, в ответ на всё улыбаюсь, а потом, когда остаюсь одна, реву в подушку.

Спустя несколько лет, откуда же Нике знать, что история с Пашей всё ещё задевает меня за живое, всё ещё болит.

Я, конечно же, распиналась, что плевать мне на него с высокой колокольни. И говорила, что даже рада, что так всё обернулось. Кофейни долго не живут, а вот мой магазинчик стабильно хорошо себя показывает. Да вот только рана всё ещё не зажила до конца.

— Развёлся с Таней что ли? — отзываюсь я смешливо.

— Ну да, такие как он долго в браке не задерживаются... Так что для них необременительно каждую встречную в ЗАГС тащить.

— Ой, да кому не всё равно на этого вашего мудака? — встревает Катя, окинув меня опасливым, придирчивым взглядом. — Что поговорить больше не о ком?

Катя — моя двоюродная сестра, и она знает меня лучше всех прочих. А как так получилось — сама не знаю. В дет-

стве только с ней я смогла поговорить о разводе родителей. Переживала очень. Папу любила до жути, но он пил, ссорился с мамой и, в конце концов, просто ушёл. Уехал куда-то в другой край, даже не попрощавшись. Это был первый раз, когда меня предал мужчина. Катя тогда в ответ поделилась своими переживаниями, и так и повелось. Что у нас с ней всё как на духу.

Да к тому же мы семья. У нас и дача одна на двоих. От родителей досталась. Когда-то наша бабушка там жила. А теперь мы по очереди приезжаем отдохнуть и порядки навести. Она часто с мужем и детьми, я с подругами.

Катя сбитая, очень даже симпатичная женщина. Сейчас перекрасилась в блондинку, ей идёт.

— Да я подумала, что интересно будет, — отвечает Ника. — Тонь, ты переживаешь что ли? — выгибает она бровь.

— Ещё чего, — усмехаюсь я, — из-за такого говна переживать!

— Ну и правильно, подумаешь, бизнес отжал, у него и дела идут не очень... А потому что рядом с подлецом всегда выются другие подлецы.

Уверена, Ника знает какие-то подробности о нём, но мне не хочется уточнять. История дурацкая на самом деле. Никто мне ничего не обещал, никто не бросал у алтаря, например.

В институте я влюбилась в одноклассника Пашку Стрельцова. Высок, красив, с чувством юмора и со мной всегда на

одной волне. Я общительной была, ещё со школы оставалась пацанкой. Парней вокруг было великое множество, но никакого романтика не было.

И вот я влюбилась, долго это отрицала, сама себе не признавалась. Но потом как-то это стало очевидно, причём не только мне, но и ему самому. И наша якобы дружба стала всё чаще походить на флирт, на предбанник в отношения.

Это должны были быть мои первые серьёзные отношения вообще. Было страшно. Поэтому я ждала каких-то шагов от него. Надеюсь, точнее.

Одновременно у всех зудел вопрос, как строить жизнь дальше, после выпуска. У некоторых уже были места, куда их пристроят, кто-то вообще уже работал. Но мне всегда хотелось заниматься своим делом, быть самой себе начальницей. В офисе я себя не видела, а потому с первого курса подрабатывала и копила деньги на то, чтобы открыть бизнес. Мы много с Пашей и другими друзьями говорили об этом, но всерьёз рискнули бы вложиться не многие. А у меня была чёткая цель и бизнес-план. Я даже нашла отличное помещение с хорошей проходимостью по приемлемой цене.

И тогда Паша сказал, что хочет стать моим партнёром и готов оплатить половину расходов, если так же пополам будем делить доход. Если подумать, я могла бы справиться и без него. Но я была молодой, глупой, влюблённой. И согласилась. Он не предлагал встречаться, но так я точно знала, что мы не разойдёмся навсегда после учёбы. Что он будет

рядом.

А там мало ли, как судьба сложится...

Ну она и сложилась. То помещение, что я нашла, кто-то уже успел снять, поскольку где-то на неделю Паша задержал подготовку документов. Какие-то были у него проблемы.

Я ужасно расстроилась, но не отчаялась. Рядом было ещё одно место. Да, там не такая хорошая проходимость, но кофейни и не в таких местах открывают. Паша меня поддержал, мы сняли помещение, заключили договор, купили всё необходимое, почти что всё оформили и...

У него в аварию попали родители. Помню, он пришёл ко мне с глазами на мокром месте и сказал, что ему срочно нужны деньги. Само собой я отдала ему его часть. И уже спустя несколько дней узнала, что во-первых, никакой аварии не было, а во-вторых, он со своим другом открыл кафе-закусочную в том месте, которое я нашла изначально.

И вот что получилось, он воспользовался моими наработками, я много узнавала о том, как нужно что открывать, какой должен быть оборот, записывала все данные, обрабатывала их и подпустила его ко всем документам, ко всем статьям и подсчётам. Преподнесла ему бесплатно то, что могла бы продавать и получать неплохие деньги. Он выкупил место лучше, обзавёлся всеми наводками, забрал свои деньги и открыл всё по красоте.

А я осталась с долгами, так как рассчитывала на его часть и сильно потратилась. Да ещё и не в самом лучшем месте...

В общем, прогорело всё. Ещё два года я выплачивала кредиты, работая в офисе. Ещё долго снова копила. И да, это был второй раз, когда меня предал мужчина.

Сама дура, знаю. Будет мне уроком. Больше было даже не из-за денег, а из-за того, что он знал о моих чувствах и поступил вот так. Тут же женился, кстати. Возможно, у него уже была Таня, когда он флиртовал со мной, обнадёживал и говорил вещи вроде «у нас могли бы быть миленькие рыжие дети».

В общем, как-то и не ладится у меня с мужчинами, не получается довериться. Но в остальном я счастливая самодостаточная женщина. У меня есть своё небольшое дело, есть верные друзья, тёплые отношения с мамой, квартира, дача, машина и всё такое.

Не та ситуация, когда всё настолько плохо, что ты выдумываешь себе целого дракона...

— Тонь, а тот мужик тебе всё ещё пишет? — спрашивает Светка, третья, заключительная, так сказать, подруга.

Мы с ней знаем друг друга с садика, ходили в одну школу, живём в одном доме. Она хрупкая блондинка, слегка болезненная на вид и робкая. Хотя в итоге это привлекло к ней мужчину, который умеет и самое главное — хочет заботиться и оберегать. Во мне же она всегда, наверное, видела старшую сестру или какую-то ещё материнскую фигуру. С матерью у неё никогда не ладилось, во дворе дети обижали. Я защищала. А теперь она часто помогает мне с некоторыми

вещами. Муж её даже, красавчик бородатый, два метра ростом, сто килограммов мышц, приходил ко мне кран на кухню чинить, и с перестановкой в зале разобраться.

Где только мама в этот момент была не могу вспомнить...

— Пишет-пишет, сумасшедший какой-то... Всё спрашивает, люблю ли я какой-то там индийский белый чай определённой степени ферментации. То ли выделяется, то ли что... не пойму.

Света с Катей смеются, а Ника машет на меня ладонью.

— Не нужен тебе никто! Тем более соседский чайный гриб!

Ну да, она со своим знойным Рошелло развилась полгода назад и до сих пор у неё не прошла стадия ультранезависимости и ненависти к мужчинам. В шутку даже остальных наших дев она подбивала на развод с мужьями. А что, за компанию! И жили бы коммуной одиноких, красивых и стервозных. Не жизнь, а мечта!

Но Катя со Светой от такой перспективы вежливо увильнули, так что в бремени гордого одиночества поддерживаю Нику только я.

— А знаешь что? — усмехаюсь. — А вот возьму и пойду с ним на свидание! А пусть покажет мне этот свой чай!

— Да ты что, — смеясь, отвечает Ника, — не смей! Что он тебе даст, Тонь? Это к нему ты будешь ходить на ноготочки? Он тебе укладку сделает? Это всё я, только я! А замужним и всяким с романами... — стреляет она глазами в девочек,

— никаких скидок не будет.

— Как же так, — страшным голосом шепчет Катя, — но у меня дети. А скидочку для матери трёх деток? Ты что матерей не уважаешь?

Мы всё ещё долго смеёмся по поводу и без. После матчи, сырников и фриттаты с лососем, заглядываем в торговый центр и на выставку современного искусства. Я не то чтобы в этом разбираюсь, но для моей нервной системы просто необходимы новые впечатления, поэтому по выходным стараюсь заглядывать на разные мероприятия.

А то было у меня время, когда отдыхала только с сериалами, так от однообразия чуть головой не уехала и самое неприятное — набрала несколько лишних килограммов.

Так что с кем-то видится, куда-то ходить, чем-то интересоваться даже через «не хочу» надо.

И в таком случае чем мой сосед не новая кубическая картина? Дам ему шанс, может, всякие там драконы из головы выветрятся...

Расставшись с подругами, предлагаю Василию, так его зовут, встретиться у дома. Если он, конечно, сможет собраться за полчаса. Мне страшновато, поэтому надеюсь, что у него и без меня есть планы на вечер.

Но на удивление Василий отвечает согласием.

Ещё немного погуляв по городу, я подъезжаю к дому и там у подъезда меня ждёт... Он.

Высокий, широкоплечий, статный, мускулистый. Со

взъерошенными каштановыми волосами и пронзительным, холодным взглядом. Будто нездешний.

— Ты должна, — произносит он, и я вздрагиваю от этого голоса, голоса, который слышала раньше, но не в этом мире, — вернуться, Виктория.

Их истинная связь ещё не до конца оформилась. Нужно время, нужны подтверждения. Ночи вместе и слова о любви — те вещи, которые помогли бы Ричарду найти свою жену быстрее. Но ничего из этого не было. Мог ли он подумать, что та, кого не любил, станет истинной парой и будет вызывать такие сильные чувства? Может быть, богиня указывает ему в очередной раз, где и почему он был не прав?

Но Ричард всё знает и без этого.

И он старался искупить вину, видит небо, старался ради Виктории.

Когда загорелась печать истинности, он надеялся, что любимая оставит прошлое в прошлом. И он видел в её глазах, которые теперь кажутся невероятно красивыми, страх и любопытство, желание и смятение. Он видел в них многое, но не ненависть.

Она прижималась к нему, запрокидывала голову, подставляя шею, манила цветочным ароматом, улыбалась, смеялась, шутила. Она была живой, тёплой, любящей. Она была его.

Что же изменилось за ужином?

Её глаза наполнились холодом, во взгляде было то, что он

привык видеть на протяжении пятнадцати лет, но приумноженное в разы.

В тот миг она была бы рада, если бы он умер на её глазах.

В тот миг она пыталась навредить даже себе.

Её ненависть распространялось на всё.

Припомнила свадьбу... Всё началось с того злосчастного вечера, когда Ричард ошибся. Он никогда не любил её. И фаворитки — обычное дело. Ему казалось, что она это понимает. Не понимала. Виктория надеялась на счастливый брак, на любовь. Этого он не мог ей дать. У него даже в мыслях не было ничего подобного. Любовь? Что это вообще?

Драконы умеют любить, безусловно.

Они любят золото.

Они любят власть.

Они любят жизнь, любят её с вершины своего величия.

Маленькой лэри в этом списке нет и никогда не было.

Ричард даже не сразу понял, что не так. Почему его жена так к нему переменялось?

Теперь он понимает, что нужно было быть рядом с ней хотя бы на свадьбе. И быть умнее, создать для неё иллюзию той жизни, о которой она мечтала.

Он дракон. Это было бы несложно.

Но поздно было переигрывать карты, да и зачем? Своим поведением Виктория лишь подтверждала, что он прав. Что из кожи вон лезть, чтобы угодить ей — слишком.

Дурак. Теперь, когда он охвачен новыми чувствами, он

представить себе не может, как у него хватило непробиваемости на такую жестокость с той, кого теперь... любит.

Она должна понимать, что такого дракона больше нет. Истинность разбила его и растоптала. Он не может больше быть прежним. Это недопустимо.

Она должна понимать, что теперь всё изменится.

И вновь, и вновь он готов будет извиняться. И даст ей время. И даст ей все блага, которые только может дать дракон. А это вообще что угодно.

Зачем убежала? Как умудрилась исчезнуть из его поля зрения?

Он чувствовал Викторию, когда обернулся крылатым зверем, когда летел над лесом. И почти настиг её, когда она резко пропала. Ни запаха, ни зова истинности... Точнее, слабый зов был, но уже в другой стороне. Ричард полетел туда, но направление снова сменилось. И снова. И снова. И снова.

Это могут быть только порталные переходы. Из тех, которыми пользуются... фэйри?

Поняв это, Ричард поморщился. Неужели он умудрился упустить Викторию? Неужели принцесса попала в сети проказливых существ?

Это очень плохо.

Иногда лучше попасть в плен к врагам. К оркам, к отступникам, даже к мятежным эльфам с синих скал. С ними со всеми хотя бы можно договориться.

Но с фэйри... переговоры с ними могут привести к самым

непредсказуемым последствиям.

А властью, огнём и кровью их не запугать.

Они что смерч, что сход лавины, что извержение вулкана... Разве можно с ними договориться? После встречи с некоторыми фэйри даже короли-драконы теряли не только короны, но и головы.

Конечно, есть способы держать их на расстоянии. Как держат на расстоянии от замков волчьи стаи. Но всё же... как неудачно Виктория решила убежать от него.

Фэйри могут появиться ненадолго в любом месте. И тогда главное не заходить в их портал. Принцесса знала об этом.

Всё это тоже её какой-то безумный план?

Ричарду хочется рвать и метать.

Виктория готова погибнуть, лишь бы сделать ему больно... От этого осознание становится тяжело дышать. Неужели он так сильно обидел её?

Неужели она так сильно любила его когда-то?

Что даже сейчас сквозь истинность ненавидит.

Ричард ищет Викторию всю ночь, и с каждым часом он сам чувствует себя всё хуже. Они связаны. Не значит ли это, что плохо и ей? Ужасное предчувствие точит изнутри. Он больше не может представить свой мир без неё.

Неужели в этом и будет его наказание?

Только обретя истинную, он вынужден будет её потерять, вынужден будет мучиться до конца своих дней без неё?

Нет, богиня не так жестока. Она должна была дать ему

шанс всё исправить. Но, может быть, ей кажется, что так он поймёт всё лучше?

— Я всё понял, — судорожно шепчет Ричард, когда в очередной раз не находит Викторию. — Я всё исправлю.

И тёмное небо, пронизанное жёлтыми звёздами, будто откликается на это обещание. Дракон вновь чувствует свою любимую, и она близко.

Он пикирует вниз и успевает зацепиться за портал, сияющий красным светом. Обернувшись человеком, Ричард оглядывает поляну с синей травой. Он чувствует на себе сотни острых взглядов. И это хорошо.

— Я пришёл за Викторией, — едва ли не рычит. — Я уничтожу вас один за одним, если вы не вернёте мне жену.

— Но она не хочет тебя видеть, — доносится лёгкий, словно стеклянный, смешливый женский голос позади, — не хочет, не хочет, не хочет, не хочет...

Эхо будто забирается под кожу и вибрирует там.

Ричард оборачивается. Никого нет.

Он направляет пламя в ту сторону. И в этот миг из леса кто-то выходит. Дракон поворачивается к нему. Пламя отражается в его ледяных глазах.

— Если убьёшь нас, убьёшь и свою истинную, Ваше, — усмешка острая, пиранья, — Высочество. Она теперь одна из нас. Она якшма.

Это высокий мужчина с тёмно-синей кожей с фиолетовым отливом. В тёмных длинных волосах некоторые пряди под-

свечиваются пурпурным и алым. Теми же цветами переливаются вены на всём теле. Которое ещё и исписано от стоп до лба надписями на древнем языке. Ричард поджигает губы, оглядывая его. Перед ним главный, из аспидных фэйри. Тёмных фэйри, которые убивают людей и прочих существ не только ради забавы, но и ради пропитания. С такими ещё сложнее договориться.

Якшма... одна из них, ну конечно. Этим словом называют жертв аспидных фэйри, тех, кто войдя в их чертоги, согласился остаться навсегда. Взамен на... сладкий сон. Вечный сладкий сон. Точнее, до того момента, как фэйри не вылакают все жизненные соки.

— Она не нуждается в ваших услугах, — чеканит Ричард.

— Она зашла в портал, тем самым подписав договор.

— Где Виктория? — с каждым мгновением спокойствие сохранять всё труднее. — Где моя жена? Я хочу её видеть.

Фэйри, клыкастый, желтоглазый, но всё же красивый, выгибает бровь, которая также подсвечивается красными и фиолетовыми прожилками.

А затем и вовсе запрокидывает голову и смеётся.

— Здесь твоей жены нет. Эй, вы видели Викторию? — выкрикивает-вышептывает. И со всех сторон леса долетают ответы:

— Кто такая Виктория? Нет! Нет здесь и не было никакой Виктории... Знали одну, но она умерла, ха-ха.

Это всё игры. Ричард знает это.

Фэйри мастаки путать. Но он уже нашёл их. И сил уничтожить хватит.

Жаль только, нет в них страха. Нет ничего, кроме бесконечной жажды.

Жажды веселья, жажды жизненных соков, жажды... жестокости.

Но дракону повезло, насколько он мог судить, настроение у аспиды сейчас отличное. Хотя и переменчивое. А ещё он определённо сыт. И пусть это так же временно, фэйри ещё более расточительны, чем люди.

Он протягивает Ричарду длинную, узкую ладонь.

— Королевская голова тяжела. Короли не знают счастья, не знают настоящей любви. Остайся с нами. Остайся с ней. Только здесь, среди нас, вы будете счастливы... Правда, дети мои?

Мимо Ричарда с жутким смехом проносятся двое маленьких синих человечков. Они держатся за руки. Их руки перевязаны красными лентами.

Дракон облизывает губы и качает головой.

— Оставь эти игры для пастушек. Я предлагаю сделку. Либо вы отдаёте её мне, и я ухожу, а вы навсегда исчезаете из моего поля зрения. Либо уже я, — усмешка, — устрою здесь трапезу.

— И потеряешь истинную в этом лесу?

— Я готов рискнуть.

Аспид ухмыляется.

— Что ж... Найди её в лесу, верни её сам. Но что-то подсказывает мне, Ваше Высочество, что ей милее танцевать среди нас, чем вновь оказаться в удушающих объятьях кожаных крыльев. А это... повод задуматься.

Разумеется, в своей, крагх её побери, манере аспидный фэйри исчезает.

Ричард всё ещё чувствует на себе множество взглядов. Он для них теперь — развлечение. Их с Викторией любовь и ненависть — театральная постановка для созданий без сердца. И именно из-за жажды веселья, из-за интриги — получится у него или нет? — они и вправду дают шанс.

И Ричард намеривается им воспользоваться.

Он прикрывает глаза, прислушивается к себе, мысленно обращается к Ней.

И делает шаг в густую чащу, где за каждым деревом скрывается чудовище, а в каждой норе по ловушке.

Тоня.

Я ошалело моргаю, разглядывая соседа. Страх разливается по телу, словно спиртовые чернила в стакане воды. Медленно наполняя чернотой меня всю. Пока не остаётся ни единого просвета.

Я схожу с ума?

Или я и вправду была в другом мире и один крылатый мурак желает моего возвращения?

Нет, мне нельзя в это верить... Срочно нужно записаться

к врачу.

Пока этот ворох мыслей мечется в голове, сосед как-то меняется... Весь лоск спадает. Да не такие уж и длинные каштановые волосы. Обычные. Да не такой уж и мускулистый, даже худой. Высокий, симпатичный и какой-то неловкий. Совсем не Ричард.

Чего это я?

Не знаю даже, то ли ещё сильнее бояться за свой рассудок, то ли выдохнуть.

Мало ли, что только людям иной раз не мерещится...

«Но явно не такое, тупица!» — звучит в голове писклявый, требовательный голос книженции по имени Алиса. Да, её стервозный образ въелся в память едва ли не лучше всего. Словно жвачку под столом в забегаловке — так просто и не отодрать.

— Антонина, — заливается Василий краской, — я так рад, что вы согласились на эту встречу. Я так ждал...

Конечно, не самый вдохновляющий типаж мужчин, но вроде безопасный. Да и вдруг внешность обманчива и передо мной неогранённый алмаз, м?

Мы с ним решаем поехать на набережную, немного погулять там и поговорить. А потом шикануть в ресторане с красивым видом и заказать свежие морепродукты.

Для меня это и вправду шик, я больше откладываю, чем трачу. Всё коплю на какую-то другую, лучшую жизнь. Только когда она уже настанет? Не слишком-то понятно...

Вася — программист средней руки, живёт один и на удивление может себе позволить даже больше, чем я. Обеспеченный мужчина рядом уже немного поднимает настроение. Не в том смысле, что я хочу, чтобы кто-то по щелчку пальцев решил все мои проблемы, платил за меня и подарками одаривал. Скорее я просто не хочу никого тащить на себе. После того, как Паша меня использовал, особенно...

Вася рассказывает о своих путешествиях, о прошлом, о пресловутом чае. В целом с ним интересно говорить. И я даже не замечаю, как оказываюсь в ресторане. За ужином и приятной беседой лишь иногда в мыслях всплывает образ властного дракона.

Боже, Ричард, когда ты уже оставишь меня в покое?
Ты ведь... ненастоящий...

Чтобы поддержать шаткое настроение, заказываю бутылку хорошего шампанского. Хотя едва ли здесь есть плохое. Выпиваю два с половиной бокала, и уже чувствую себя легче любого воздушного шарика. Я больше смеюсь, больше улыбаюсь, даже позволяю Василию коснуться моей руки. Это ободряет его, и он предлагает продолжить вечер у него или у меня.

А чем не шутит чёрт?

Но хочется отказаться. Потому что я не могу перестать думать о Нём.

И вот мне уже кажется, что отказаться, значит, признаться в собственном сумасшествии. И мы с Василием едем ко

мне. Смазанные поцелуи в коридоре. Тёплые касания рук и голос... взволнованный голос моей мамы.

— Тонечка, у нас гости?

У меня ком встаёт в горле. Я совсем забыла о ней. Почему же я забыла о том, что она будет дома? Как неловко...

Вася тоже кашляет в кулак, затем улыбается и представляется.

Мать зовёт его на кухню, с моего молчаливого согласия он снимает ботинки и идёт за ней. Я смотрю им вслед. Барсик трётся о ноги. Сердце колотится бешено.

Я была уверена, что матери тут не будет.

Потому что где-то на подсознании всё ещё помню, что на самом деле она мертва.

Уже давно мертва.

И, кажется, я тоже.

Слёзы наворачиваются на глаза, дыхания не хватает. Едва ли не падаю, опираюсь о стену, хватаюсь за сердце. Из кухни доносятся голоса. Мама о чём-то рассказывает, она очень рада видеть мужчину в доме. Вася вежлив и вполне себе хорош собой. Я могла бы выйти за него замуж.

Здесь у меня был бы муж без подвоха.

И мама была бы жива.

И я тоже.

Но это ненастоящее... теперь я понимаю. Это всего лишь моё желание. Больно оставаться здесь. Больно покидать своих друзей, свою семью, всех, кого я любила и ненавидела...

Плачу. Плачу так, как не плакала даже тогда, когда стала попаданкой. В дверях появляется... нет, не мама и не Вася.

 Ричард.

 Он смотрит на меня с жалостью.

— Очнись, — зовёт, протягивает мне ладонь, — идём домой...

Ричард находит её, как и сказал аспид, танцующую в лесу... В лунном свете Виктория так красива. Платье оборвано, подол едва прикрывает колени, волосы распущены, в них отливают серебряным светом цветы. Её тело овивают красные ленты. Глаза... пугают. Веки закрыты и на них цветочными красками нарисованы жёлтые, хищные глаза фэйри.

Она танцует, она улыбается, там за опущенными веками ей хорошо.

Хорошо, потому что там нет его. Её холодного нелюбящего мужа.

Ричард ловит её в свои горячие объятия, сама она холодная, как лёд, ведь фэйри даже сейчас пьют её жизненную силу. Плавно она старается освободиться. Но дракон не даёт это сделать. От неё пахнет влажной землёй, гниющей листвой и всё ещё цветочными духами.

Ричард целует её в лоб.

— Любимая, очнись... Я здесь. Ты слышишь меня? Идём домой...

Виктория не размыкает век.

Но он замечает, что слёзы текут по её лицу.

Даже в иллюзии, что соткали фэйри, ей плохо?

Сердце пропускает удар, Ричарду невыносимо видеть её такой.

Он запускает пальцы в спутанные длинные волосы. Прижимает её к себе крепче. Шепчет на ухо:

— Прости меня. Я обещаю, что всё изменится. Сколько бы нам ни было отведено лет, я буду стараться искупить свою вину перед тобой. Со мной будет лучше, чем там, где ты сейчас. Виктория, пожалуйста, прошу тебя. Я всё для тебя сделаю. Только вернись ко мне.

Она не отзывается и больше не танцует.

Замерла, словно фэйри закончили с ней.

Словно привели его к ней только затем, чтобы полюбоваться на его эмоции в тот миг, когда она исчезнет.

Гроыхает гром, над небом пролетают словно тысячи драконов. Биение их сердца оглушает. Сверкает красным молнией. Обрушивается холодный дождь. Стеной солоноватой воды без просветов.

Ричард вместе с женой падает на колени, стараясь прикрыть её от дождя, всё ещё держа в крепких объятиях.

— Любимая... — продолжает он, — вернись ко мне...

Нехитрая краска стекает с её век. Ресницы дрожат. Ему вновь и вновь не достаётся ответа. И где-то за шумом дождя и гроыханием грозы слышится тонкий, нечеловеческий смех...

Тоня.

— В этом мире, дома... меня больше ничего не держит,

— всхлипываю я.

Ричард пытается убедить меня в чём-то, но я слишком сильно поглощена осознанием собственной смерти. Я сползла на пол, обняла себя за колени, уткнулась в них, закрылась от всех пеленой слёз.

— Я не встретила достойного человека, всё было не так и не то... Это из-за тебя? Из-за того, что на самом деле я принадлежу какому-то дракону? Который так жестоко обращается с женщинами...

— Я всё исправлю, — твердит Ричард.

— Нет, нет, нет... — срывается с губ. — Мне это не нужно. Это нужно было Виктории, она тебя любила, а я даже начинать не собираюсь... А там все уже знают, наверное. Барсика скорее всего заберёт Катя... Я надеюсь. А у Ники аллергия на шерсть. Да... Они все справятся и без меня. Даже Света стала самостоятельной, её теперь и не узнать... А Пашке так и будет всё равно. А мама... маму уже не вернуть.

Проговаривая это всё, я будто прощаюсь с ними со всеми.

Теперь я вспомнила, что случилось. Мама долго болела, я много работала, чтобы обеспечить ей всё необходимое лечение, а каждую минуту свободного времени была рядом. Было не до чего. Потом она всё-таки покинула меня. И чтобы справиться я ударилась с головой в работу. Потом вроде

пришла в себя, но продолжала жить будто лишь имитируя счастье и смех.

Возможно, всё сложилось именно так, потому что для меня всегда было заготовлено место в другом мире. Это было бы справедливым. Но неужели я заслужила и среди магии, среди эльфов, говорящих книг и летающих замков мужчину, в привычках которого изменять, давить, не считаться с мнением той, для кого он — всё.

Из-за кого Виктория потеряла ребёнка...

Это моя судьба?

Нет уж, спасибо. Лучше никакой жизни, чем с ним...

Вперёд Ричарда прорывается моя мама, Рая. Её иллюзия. Я смотрю на неё в последний раз. Она тоже протягивает мне ладонь.

— Детка, останься с нами. Вася такой хороший, я так рада! Останься... Теперь у нас всегда всё будет хорошо.

Барсик урчит одобрительно.

Мой кот и вправду будет скучать по мне, а я по нему.

Но этот, что сейчас рядом, уж точно не он...

— Не поддавайся... — рычит Ричард.

Он оказывается рядом, обнимает меня, слегка встряхивает, заглядывает в глаза и... прислоняется своими пылающими губами к моим почему-то до жути холодным.

Этот поцелуй отчаянный и горький.

Я обнимаю его.

Да, я хочу уйти отсюда. Прости, мама.

И прощай.

Уже отчаявшись, содрогаясь от страха потерять её, под сильным дождём, Ричард решает поделиться с ней драконьим пламенем, передать искру своей силы через поцелуй.

Он знает, только в сказках всё решается пламенным касанием губ, но ничего больше не остаётся...

Она должна захотеть сама.

— Виктория, ты нужна здесь... — произносит он. — Ты нужна мне.

И в этот миг его жена, его истинная, его любимая... открывает глаза.

Словно всей погодой в зачарованном лесу управляет аспид, молния вместе с громом утихает, дождь сходит на нет. За трогательной сценой любви наблюдают сотни бессердечных существ. Они довольны хорошей концовкой почти так же, как были бы довольны плохой. Несколько мгновений девушка рассматривает его. В её тёмных глазах отражается вся надежда, вся красота мира, всё торжество прояснившегося ночного неба. Скоро они вместе встретят рассвет, а затем ещё один и ещё. Ричард мечтает об этом, пока на его губах горчит послевкусие поцелуя.

Его жена же... на глазах у всех фэйри, на глазах у богини... отвешивает ему хлёсткую пощёчину и приказывает:

— Убери от меня руки, Ричард!

Это неожиданно. И неожиданно дерзко. Но дракон слыш-

ком горячо, слишком сильно рад тому, что Виктория жива. В ответ он прижимает её к себе крепче.

Свою хрупкую красавицу, свою...

Не успевает раз мечтаться вновь, как вновь же получает удар по красивому, но бледному и измождённому лицу.

— Я сказала, отпусти меня. Где мы? — она оглядывается.

Взгляд у неё убийственный.

Ричард всё же отстраняется и уже с томительным интересом наблюдает за своей женой. Он узнаёт её характер и не узнаёт вовсе.

— Впрочем, — вскидывает она подбородок и окидывает его взглядом снизу вверх, — это неважно. Мы вернёмся в мою резиденцию или так и будем здесь стоять?

— Нас ждёт серьёзный разговор, — предупреждает Ричард, вновь поймав её в свои объятия.

На этот раз, чтобы обернуться драконом и вместе с ней взмыть в светлеющее небо.

Подальше от жёлтых глаз и стеклянного смеха...

— Да, — чеканит Виктория, — тебя ждёт серьёзный разговор, дорогой дракон...

Глава 6. Попаданка наводит свои порядки

Мы летим очень высоко, и я никогда ещё не видела рас-светное зарево в таком... объёме. Розово-персиковые разво-ды как будто и сверху, и снизу и по бокам. Только позади ещё не сходит с выси ночная тьма. Дух захватывает, но почему-то совсем нестрашно. От эмоций меня даже щекочет смех.

Всё это время я удерживалась за шипы на спине дракона, твёрдые как камень, но будто отделанные эластичной змеи-ной кожей.

Интересно, в своём зверином обличи Ричард чувствует мои прикосновения?

Ах, впрочем, что-то мне подсказывает, что не в моей стальной хватке дело. Поддавшись порыву, я размыкаю паль-цы и поднимаю руки вверх, словно на американских горках. Чувств так много, что на ресницах выступают восторженные слёзы, а с губ срывается пронзительный крик.

В это мгновение приходит информация от Виктории. Её услужливая память подкидывает следующее: разумеется, тех, кому драконы позволяют сидеть на своей могучей спи-не, крепко удерживает магия. Благодаря ей же совсем не хо-лодно и ветер не дует в лицо.

Я ничем не рискую, но восторга от этого меньше не становится.

Уж не знаю, что Его Драконье Высочество подумал обо мне на этот счёт, но он то ли чтобы доставить мне больше удовольствия, то ли издеваясь, пикирует вниз, красной молнией пронзая сахарные утренние облака. Я и кричу, и смеюсь, и плачу. В какой-то момент ничего не вижу, кроме своих волос, что раскинулись на все четыре стороны света. Волнистые, карамельные локоны отливают золотом. Красиво.

Но, может быть, стоит сменить причёску?

От этой мысли ползёт чуть вверх уголок губ. Настроение такое: хочется изменить всё и вся, встать на голову или же... поставить мир вверх дном. Мой новый мир!

«Твоя забота — быть истинной принца Ричарда, твои мысли должны касаться только его...»

Да чёрта с два!

Да, меня тянет к нему. Тело предаёт, глаза закатываются, коленки дрожат — всё как в любовных романах в мягких обложках, которыми я не раз зачитывалась, чего скрывать.

Ну и что теперь? Я могу с собой совладать, а уж как будет чувствовать себя мужчина, что сейчас находится подо мной, это только его проблемы...

Пускай возвращается в столицу и играет в игры со своими фаворитками, которые все как одна похожи на некую Элинор.

Кто знает, может, целая толпа сможет заменить ему од-

ну-единственную истинную?

Память Виктории услужливо преподносит — нет, не сможет. Ричард будет изнывать, чахнуть и сходить с ума. Мне даже становится его жаль, но в следующее мгновение я замечаю вдалеке висящий у обрыва замок. Каменный, с тремя острыми башнями, он зыркает на меня треугольными окнами и скалится щербатыми балконами. Дракон отбрасывает огромную тень на верхушки синеватых сосен. Сквозь магический купол до меня доносится морской бриз вместе с шумом волн, который даже не заглушает биение драконьего сердца.

Даже сейчас я чувствую нашу связь. Она сковывает меня, словно золотые цепи.

Если подумать, я, обычная женщина, вполне себе не учившаяся в Хогвартсе или хотя бы в Тибидохсе, связана с огромным магическим ящером, который наверняка только так плюётся огнём и ещё не такие трюки умеет исполнять.

И мне даже рекомендовали как можно скорее родить ему детишек!

Какой абсурд, какая глупость...

Я вдруг понимаю, что даже критикуя его, всё равно не могу, не могу, не могу перестать о нём думать. Щёки и скулы опалает красным, и как раз в эту минуту, будто чтобы посмотреть на моё лицо-редиску, Ричард опускается на землю и оборачивается человеком. Ну как, скорее, подобием человека.

Правда, как бы я ни была зла и разочарована, оказаться в его сильных, горячих, манящих объятьях мне это не мешает.

Но — на минуточку — не по своей воле, прошу заметить!

Я отчего-то сначала зажмуриваюсь, словно испугавшись его взгляда. Не хочу, не хочу заглядывать в его глаза. Если вновь в них будет глубокая горечь, решительное пламя и огромная, жгучая любовь, я... я просто не выдержу.

— Милая, — выдыхает он, коснувшись большим пальцем моей скулы, — дорогая... скажи мне...

Его голос отзывается во мне мучительно-сладкой, пульсирующей дрожью. Нет, Тоня, так не пойдёт, ты должна быть сильной, ты должна... смотреть в лицо опасности!

Даже если там нахальная морда с тягучим жаром в глазах, горячим языком и острыми клыками.

Я распахиваю веки, окидывая его холодным — надеюсь — и скептическим взглядом.

Его пальцы на моей талии, кажется, могут оставить ожоги... так горячо.

Я сдерживаюсь, чтобы не облизать губы.

— Что ещё? Прошу отпустить меня, Ваше Высочество.

— Я хотел спросить, — усмехается дракон, — Ви, ты забыла, как пользоваться порталом?

Меня будто ведром холодной воды окатывает. Хмурю брови, настораживаюсь. О чём этот невозможный мужчина вообще говорит?

Становится страшно. Он меня проверяет? Я должна что-

то знать? Его жена должна что-то знать?

— Я повторяю, отпусти меня, — чеканю как можно спокойнее. Ну и холода напускаю побольше, чем Снежная Королева иной раз.

Ричард вздыхает. Едва заметно, но опять же — я замечаю. И мрачно усмехаюсь — бедному изворотливому дракону не дали лишний раз потискать в лапищах истинную. Как же так?

Всё это время пыталась найти ответ на его вопрос. Ну же, Вика, что там с порталами? Беглянка, наконец, подкидывает картинку — алый камушек, уместающийся на моей ладони. В форме капли.

— Да, — отзываюсь легко, — я потеряла камень.

Он кивает, заглядывает мне в глаза и говорит:

— Я не злюсь на тебя. Но больше, пожалуйста, не рискуй жизнью.

И с этими словами протягивает такой же камень, который мне привиделся, но на этот раз оранжевого цвета.

Я принимаю вещицу, толком пока не зная, что с ней делать.

— Не буду рисковать, дорогой, — улыбаюсь ему. Мило, нежно, невинно. Вызывая ответную улыбку. — А всё остальное мне можно?

Строю глазки.

— Тебе, — выдыхает Ричард, — можно всё. Но я был бы рад, если бы ты сейчас отправилась в свои покои, отдохнула.

А к вечеру поговорила со мной.

— Утро вечера мудренее. Слышал такое? Я тебе всё скажу сейчас. Никакого «долго и счастливо» не будет. В качестве твоей бывшей жены я продолжу жить здесь. Где будешь ты, дорогой, меня не волнует. Что ты будешь делать со своими изменными желаниями — тоже. Не секрет, я долгие годы хотела тебе отомстить. И, наконец, — улыбаюсь, всё ещё мило, издевательски мило, — богиня нашла способ.

— Я понимаю, почему ты так говоришь, — изменившись в лице, отвечает мой ненаглядный. — Но стоит ли мечь того, что мы оба будем страдать? Будем несчастны? Пусть я заслужил это, но ты...

— О, не волнуйся. Я вполне себе буду счастлива, родной. Подмигиваю ему и вовремя ловлю знание, как управлять с оранжевым камушком. Он — ключ от всех комнат замка. Сжав его в кулачке, я могу телепортироваться в любую из них. Откроется... ну да, точно такой же портал, который появился прямо сейчас благодаря усилию моей воли и этой магической штуки.

Портал похож на цветную половинку мыльного пузыря. Под тяжёлым взглядом Ричарда, с гордо поднятым подбородком, я ступаю в него. Оставив дракона слушать лишь зов прибоа.

Потому что я уже всё сказала.

Я всё ещё чувствую пронзительный взгляд Ричарда, что жжётся между лопаток, даже когда оказываюсь в своих по-

коях. Я пробыла здесь всего несколько часов, но сердце уже отзывается так, словно я... вернулась домой. Вот только меня смущает, что каждой поверхности здесь касалась Виктория. Она либо выбирала, либо не спорила с этим покрывалом, с этими шторами, с этим жёстким, но, безусловно, роскошным ковром.

Она была хозяйкой здесь. Теперь хозяйка — я. И выбор должен быть за мной.

Пока обдумываю это, гляжу на книгу, что лежит на прикроватной тумбочке (саму кровать, кстати, починили). Алиса, наконец, не выдерживает и раскрывается. Буквально.

— Ты вернулась, — выдыхает она.

Приятно шелестят страницы. А где же визгливый тон, где упрёки? Закатывания мифических глаз, заламывание символических рук?

— Стояла Ночь Золотого Рога, в это время у злобных существ больше всего власти. Сколько жизней тех, кому не посчастливилось оказаться на улице, они загубили... даже представить сложно.

Алиса как будто бы всё ещё не может поверить в то, что я здесь.

Она необыкновенно тиха. И в воздухе вокруг неё витает тревожная аура. Мне это не нравится.

— Если была такая опасная ночка, то почему меня никто не предупредил? Почему охрана не удвоилась или что-то в этом роде? Да и должны же быть какие-то приёмы против

такой напасти?

Она перелистывает страницы. На них сменяют одна другую несколько разных рисунков-гравюр. Полумесяц, поляна с цветами и грибами, маленькие существа в воздухе, рогатый человек с тёмной кожей...

— В общем... — начинает и тут же обрывает себя. — А что это я тебе должна рассказывать? У тебя теперь есть память принцессы Виктории, разве нет? Я тебе больше, — пускает надрыв в голос, — не нужна...

Усмехаюсь:

— Издеваешься? Надо вернуть всё как было. Потому что вместе с памятью эльф засунул в меня и кое-что ещё...

Бросаю взгляд на камушек в золотом колечке. А что если он сверкнёт красным вновь? Теперь у меня будет страх этого... Допустим, Виктория просто хотела угробить нас обеих, в таком случае ей никто не помешает, например, выбраться из окна. А Ричарда или Рио может не быть рядом, чтобы снова не дать мне упасть. Страшно... Чем это вообще отличается от одержимости демоном? Вспоминаю несколько фильмов на эту тему, которые смотрела, меня передёргивает.

— А я говорила. Это поэтому ты убежала? Инициатором была Виктория?

Киваю, пытаюсь снять кольцо с пальца. Вроде свободное, оно совершенно не желает сдвигаться.

— Не снимешь теперь, глупая.

— Ты могла бы предупредить меня, Алиса! — да, с кем

поведёшься, от того и наберёшься... в моём случае — претензий.

— А я предупреждала, — практически переходит она на прежний тон. — Ты оглохла что ли?

— Лучше нужно было предупреждать, лучше... — выдыхаю я. — И где ушастый? Сбежал, думаешь? Если мы не найдём решение... не знаю, может, рассказать Ричарду?

Алиса монотонно переворачивает ещё несколько страниц.

— После того, как ты его послала?

— Мы не враги. Он просто должен быть мне противен после своего поступка в прошлом.

— Должен быть?

— Конечно, истинность перекрывает многое. Но не рассудок! Я хорошо знаю себя. Знаю, чего бы я хотела, а чего — нет. Были в моей жизни уже мушкетеры. Довольно...

— Но правила... — начинает Алиса.

— К чёрту правила, — улыбаюсь я, валясь на спину на кровать и устраиваясь удобнее, очень хочется спать. — Так ты расскажешь, что собиралась? Я только тебе здесь теперь и могу доверять.

— Вот ещё! — Алиса вспархивает, наворачивает под потолком несколько кругов, но затем всё же опускается рядом и поясняет: — Ты ещё много опасностей здесь найдёшь. Всё так сразу, если начну перечислять, ты снова начнёшь зевать и всё забудешь. Про Ночь Золотого Рога... так никто не знает, когда она наступает заранее. Такие как фэйри и им по-

добные — хаотичны. И ничего странного нет, что их время такое же непредсказуемое. Иногда такие ночи наступают несколько раз в год, иногда не наступают вовсе. Простые путники, которые ищут пропитания в лесу или просто идут куда-то, бояться каждую ночь, если в небе висит месяц. Часто напрасно, но некоторым не везёт. Фэйри увлакивают их в свои порталы и там... дальше сценарии разнятся. И тебе не повезло. Это ж надо было! Выбежать в лес как раз в такую ночь! Если бы не истинность, ты бы не вернулась, Тори.

Я бросаю взгляд на её шершавый корешок.

— Почему?

— Никто обычно не возвращается от тёмных фэйри, а аспидные именно такие. Они больше всего походят на диких зверей. В отличие от светлых фэйри у них всегда есть свой интерес. Они всегда хотят есть и не хотят отпускать добычу. Я видела, что происходит, поскольку ты — моя подопечная. Знаешь... была почти уверена, что и Ричарда они сожрут. А тебя уже даже похоронила. Всё равно попаданка ты никудышная...

Смеюсь и запускаю пальцы в волосы.

— Ну, спасибо.

Она несколько мгновений молчит, затем выдаёт томно:

— Ричард тебя спас, может быть, ты не будешь так строга к нему?

— Он спас свою истинную. Ему плевать на то, что кроется за этим. Он не знает меня. Зато я знаю о нём достаточно.

Алиса, тебя что, накажут, если я не буду с ним?

Книжка захлопывается. Я чихаю из-за пыли. Надо будет обязательно её привести в порядок.

— Я не могу тебя принудить. Я всего лишь книга. Моё дело — обеспечить тебя информацией. Решение ты принимаешь сама. И отвечать перед богами будешь сама.

Звучит это несколько... зловеще. Но я облегчённо выдыхаю.

— Вот и ладненько. Расслабься тогда. И не мешай мне жить. Я, может, впервые за тридцать лет, собираюсь пожить для себя.

— И всё же я должна сформировать у тебя правильное представление об этом мире и последствиях, с которыми ты можешь столкнуться, Тори.

— Хорошо, — улыбка касается губ, — сформировывай на здоровье, я со всеми последствиями собираюсь справиться. Что вот будет, если я разведусь со своим истинным?

— Это... невозможно. Прецедентов не было. Да и ты — женщина, жена. Ты не можешь решать.

— А как же закон о наследнике?

— У истинных, — Алиса шелестит страницами, — всегда есть чудесные детки.

— Да, но если я не подпущу его к себе... Что тогда? Нас разведут?

— Не должны. Тори, я уверена, что корона найдёт способ всё обернуть в свою пользу. Если истинные пары будут раз-

водиться, начнётся хаус. Самая лучшая власть — это власть, которая не нарушает устои и традиции. У обычных людей всё что угодно можно заглушить, замять, сделать тише. Не довести до ума общественности. Но вы — королевские особы. У вас нет права выбора. Особенно у тебя. Вот в как её... Англии... женился принц на актрисе и что из этого вышло? А что было с принцессой Дианой? Всё это разрушило иллюзию величия, монархия в упадке. Они не совершенны, как оказалось, а, значит, больше неинтересны людям.

Я приподнимаюсь на локте и хмурюсь.

— Я сама стала принцессой Дианой. Незавидная роль.

— О, нет, тогда уж Виктория ею была... Ты — другое. Тебя будут любить. Тебя будут носить на руках, если позволишь...

Я фыркаю. И хочу поспорить с ней, но нас по традиции прерывает стук в дверь и неровный голос Гарольда:

— Ваше Высочество, принцесса, вы в порядке? Можно войти?

— Вам нужна моя помощь? — это уже голос моей камеристки, Сирины.

В моей голове тут же мелькают несколько мыслей, которые цепляют за себя, словно крюки, некоторые воспоминания Виктории. Я словно раз за разом открываю ларчик и оттуда в свой разум переношу знания. И казалось бы, что Алиса мне и вправду больше не нужна. Но сделка с эльфом теперь выглядит сомнительной и опасной до чёртиков, а с

книженцией хоть поговорить по душам можно. Особенно теперь, когда испугавшись за меня, она слегка присмирела. Но мне ещё предстоит выяснить, что она такое и к чему такая забота от местных божеств. Но это всё позже... сейчас меня больше волнуют дела насущные. Хочу знать, как тут всё устроено, хочу скорее освоиться, скорее... жить!

— Нужна ли мне помощь? Разумеется. Входите.

Они вваливаются в покои какие-то неуверенные, шаткие и растроганные. У Гарольда глаза на мокром месте, но в этом нет ничего удивительного, он по жизни выглядит как британский котик, у которого вечно слезятся глаза. Сирина тоже какая-то странная, воодушевлённая, как будто сдерживающая улыбку.

— Что с вами такое?

— Вы живы, принцесса! — произносят почти что хором.

— Это радость для... — начинает Гарольд.

— ...всего королевства, — скептически заканчиваю я. — Да, спасибо. Траур отменяется, я в полном порядке!

— А ещё вы истинные с принцем Ричардом, — улыбается Сирина. — Это так романтично... А вы... потом расскажите мне, каково это?

— Да ничего особенного... Мне кажется, это не так интересно как то, что мы все с вами пережили Ночь Золотого Рога. Как насчёт того, чтобы устроить праздник по этому поводу? Может быть, даже маскарад...

В воспоминаниях Виктории промелькнуло, что такое тут

не редкость. Если есть деньги, люди обязательно празднуют сход заклЯтой ночи. Считается, что это может уберечь их в следующую. В столице скорее всего будет бал. Хотя кого из представителей короны на самом деле трогают подобные ночи? А я вот едва не погибла и хочу отметить собственное спасение.

— Да, разумеется, — начинает Сирина, — но скоро парад и нам ещё отмечать ваш импринтинг... успеем ли всё и сразу?

— Им, — выдыхаю я, — принтинг? Отмечать? О, нет, я думаю, что как раз таки на этом мероприятии мы можем сэкономить время и золото.

У обоих теперь глаза, словно блюдца, но спорить они не решаются.

Гарольд находит Алису взглядом и задерживает его на ней несколько мгновений. Надеюсь, ума у него хватит не заговорить с ней.

Хватает.

— Госпожа, значит, я передаю королевскому секретарю ваш приказ?

— Секретарю?

Я заминаюсь, но вовремя всплывает картинка — сухой высокий мужчина с длинной рыже-седой бородой. Через него в том числе осуществляется связь со столицей. Он подаёт прошения на хотелки принцессы, и корона одабривает его или нет. Делается это не только потому, что королевская

семья, разумеется, знает лучше, что надо Виктории, но и потому что они за всё платят. То есть замок полностью обслуживается за счёт королевской казны. И то же самое касается каждого платья и каждого жемчужного ожерелья принцессы.

Вот это мне не нравится.

Независимостью и не пахнет.

Надо срочно что-то решать.

— Я думаю, Сирина, мы сможем организовать всё и своими силами. Пока не нужно ни с кем говорить.

— Но как же... у нас не так много денег осталось.

— Знаю, дайте мне подумать. А пока что... Гарольд, ты должен скроить для меня кое-что особенное. Сирина, позови, пожалуйста, тех, кто сможет заменить мне в комнате шторы, постельное, этот ковёр и ещё несколько моментов. Да и гардеробная... — перевожу взгляд на дверь напротив гобелена с тайными входом, которую и не сразу заметила — она сливается со стеной. — Не уверена, что она мне вообще здесь нужна. Для повседневной носки вещи можно убрать и в шкаф. Всё вычурное пусть пылится в той комнате, где мне стало плохо.

— А что будет в гардеробе? — уточняет камеристка.

Я отвечаю с улыбкой:

— Мой кабинет. Ну что застыли? У нас сегодня много дел, давайте в темпе вальса... И да, кто-нибудь пусть позовёт ко мне Магду. Хочу сменить причёску.

Да-да, на протяжении всего времени, что я говорю со слу-

гами, хожу по комнате, строю планы, не перестаю чувствовать на себе неодобрительный взгляд Алисы. И вот в чём проблема? Она должна меня просвещать, пусть будет так. Но не её вина, что я не хочу делать всё то, что мне предрешиено. В судьбу я никогда не верила, и сейчас она вместе с истинностью очень напрягает. Я, может, хочу стать лихой разбойницей с зелёной шапкой или бродячей гитаристкой. Может, хочу построить свой приют, хочу помогать эльфам, хочу просто путешествовать по волшебному миру! Передо мной должны быть открыты все дороги. Да, с оговоркой на нравы людей. Но и их нужно менять в лучшую сторону, а не просто терпеть. Хочу облагородить себе местечко, и так уж вышло, что пока что это резиденция Виктории. Начнём с неё, дальше видно будет.

Почему Алиса недовольна? Разве лучше было бы, если бы я переступила через себя, заткнула голос разума и просто поддалась блаженству истинности? Что Ричард вообще сделал, чтобы получить истинную? Своей жене изменял, а потом недосмотрел, и она умерла? Как-то маловато будет. И красивой мордашкой тут не отделаешься!

Так что всё логично.

— Но госпожа Элинор никогда не носила ничего подобного... Это что-то западное? Южное? Вы хотите опередить моду? Предугадать её? Принцесса Виктория, не сердитесь, но вы должны понимать, что это очень рискованно. Ваши попытки могут всех впечатлить, могут вызвать разве что

смех...

Пока я сижу за столиком с зеркалом и разглядываю себя, Магда ходит из стороны в сторону и ужасно волнуется. Всё-таки Викторину окружали очень милые люди. Муж только — досадное исключение.

— Ни Элино́р, — погибает она палец, — ни Альдата, ни Капи́ида, ни Улада, ни Катерина, ни Нинааль Бром никогда не стриглись так коротко! Они завивали волосы, выпрямляли, красили, делали высокие причёски, заплетали витиеватые косы, носили тяжёлые парики и промоченные духами салфетки на затылке, но чтобы так...

Я позволила себе вольность — штора не прикрывает одно из дальних окон. Ловлю на себе тёплый, ласковый солнечный луч и нежусь в каком-то мягком чувстве родом из детства. При этом отвечая Магде вполне серьёзно:

— Ну вот и хорошо. Пусть ваша Элино́р, Альдачтотам, Капи́паста, Ульяна и Катерина, и даже Нинель кусают себе локти, потому что не были первыми. А я повторюсь, что делаю это для себя, а не для того, чтобы кого-то поразить. Принц уже мой.

— Да, — как-то сурово отзывается Магда, вмиг в её взгляде мелькает что-то тёмное, — и вы его простите?

Отвечаю не без удовольствия:

— Нет, не прощу.

Магда замирает, будто не веря в это. Будто всё, о чём она говорила, должна была перечеркнуть истинность. Но то, что

для меня ничего не изменилось, её удивило. Приятно удивило.

— Тогда всё сделаю.

Уже с куда большей охотой она берётся за большие ножицы из белого металла. И на пол падает первая карамельная прядь волос. Я всё хотела и всё не решалась, откладывала, маялась над идеей сделать себе каре. Теперь самое время! Неприлично, непринято? Так я всего лишь ненужная, опальная принцесса, которая живёт в глуши. И кому какое дело?

Магда, видимо, никогда раньше этим не промышляла, она очень осторожно и медленно работает. Настолько, что я даже успеваю потерять свой возбуждённый настрой и зеваю. Ночь не спала, а плясала с аспидом. Мне даже кажется, что я помню, как он, сине-фиолетовый, танцевал рядом и манил за собой...

Хочется выпить... кофе. Интересно, он у них есть?

Пытаюсь пошерудить в памяти Виктории. Ни-че-го. А как насчёт просто бодрящих напитков? В мире магии должен найтись способ...

— Магда, я с ног валюсь, а день только начался...

— Так поспите, Ваше Высочество. Мы сейчас закончим, и никто вас не потревожит. Даже принца Ричарда не пустим.

— Нет, потом спать ночью не буду, не хочу... Нет ли чего-то бодрящего?

Она хмурится, затем отвечает довольно серьёзно:

— Можно переговорить с демоном сна, конечно... Но я

бы не рисковала. Возьмёт много дрёмы, потом будет бессонница. А бессонница — это круги под глазами, головные боли, морщины, тусклые волосы...

Кхм. Демон. Демон сна. Интересно. На этот раз память Виктории выдаёт информацию. Оказывается, в мире есть некие «бытовые», то есть мелкие демоны, которых можно вызвать, чтобы решить не очень крупные вопросы. Но как водится, это может привести к крупным последствиям...

— Забирают желание спать, значит, — произношу я задумчиво. — Но разве от этого не должно быть усталости?

— Если злоупотреблять, то будет, конечно. Этот демон вообще издеваться любит. Потом люди добрые хотят спать, а не могут.

Я снова зеваю. Нет, одну бессонную ночь перетерпеть можно. Да и спать лечь можно. Но я правда хочу сегодня быть во всеоружии. Отосплюсь, когда Ричард уедет. К тому же, как понимаю, фэйри из меня силы-то потянули, это не простая сонливость...

— Здорово, — мой жизнерадостный ответ, должно быть, звучит подозрительно, ведь минуту назад Магда что-то говорила про издевательства. — Быстро он хоть приходит? У меня полно дел.

— Ох, Ваше Высочество, стоит ли оно того? С демонами связываться ещё хуже, чем с драконами. Они ещё вас в свою базу занесут и будут письмами забрасывать!

 Я смеюсь.

— Письмами?

— Да вы будто с луны свалились... — впрочем, подозрение в её голос не закрадывается. — Предложения свои рассылать «очень выгодные». Так ладно один! Он один связь с вами раздаст вообще всем своим друзьям. Демону голода, зубному демону, демону огня, да богиня только знает, сколько их на самом деле... Вот! И будут за вами бегать, будут просить что-то продать, что-то купить... Ушлые! Принцесам нельзя с ними связываться, это удел всяких крестьян да иже с ними...

— А я не пробовала никогда, — отзываюсь легкомысленно. — Хотя взглянуть хочу на одного. Поможешь, Магда?

У меня наклёвывается интересная мысль насчёт этого демона, но уже даже не знаю, когда смогу её осуществить. Потому что дверь в мои покои открывается. И — без стука — твёрдым шагом заходит Ричард. У замка он был нежным, будто ни в чём не уверенным, мягким. Сейчас же дракон своим видом напоминает мне о нашей первой встрече. Собранный, с жёстким взглядом, весь такой ухмыльчиво-ненавидящий и будто бы холодный.

Но он быстро меняется, когда понимает, что происходит.

Магда в последний раз чикает ножницами, последняя карамельная прядь падает на пол, который покрывает теперь вся моя немалая длина.

— Что. Ты. Творишь? — едва ли не рычит.

Ну, мы это уже сто раз видели. Мы это уже сто раз про-

ходили.

— Магда, спасибо большое, — киваю ей. — Ступай.

— Вам нравится? Наверде и ровно, Ваше Высочество, — она нарочито не обращает внимания на принца. Вот это мне точно нравится. Бросаю взгляд в зеркало. Да и свой облик тоже. Выгляжу даже ещё свежее, моложе, задорнее. А задору этой резиденции точно не хватает.

— Очень, — улыбаюсь ей. — А теперь ступай.

Разумеется, наш диалог происходит под эфемерный звук закипающего от гнева, словно чайник, Ричарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.